

16+

Виорэль Ломов

Помни обо мне

Две любовные истории

Виорэль Ломов

**Помни обо мне. Две
любовные истории**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ломов В. М.

Помни обо мне. Две любовные истории / В. М. Ломов —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Две любовные драмы о том, как в судьбу одних героев совершенно мистическим образом врывается семейный архив и шкатулка с драгоценностями, а в жизнь других - краеведческий музей и чучело рыси.

Содержание

После дуэли	5
I	6
II	10
III	13
IV	17
V	19
VI	22
VII	26
VIII	29
IX	33
X	36
XI	38
XII	42
XIII	46
XIV	49
XV	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Виорэль Ломов

Помни обо мне. Две любовные истории

После дуэли

Прекрасным дамам О. да Н.

Всему свое время, и время всякой вещи под небом.

Экклесиаст

I

Георгий Николаевич прибыл в Тифлис уже ближе к вечеру. Когда он вышел из вагона, первым ощущением у него было, что он летит вниз головой с точеного европейского утеса, выпестованного природой в одной ей ведомой гармонии, в безмерную огнедышащую азиатскую пропасть, наполненную гортанными голосами, пряными ароматами и блеском зубов и оружия. Общая атмосфера завораживала, волновала и сдавливала грудь. Во всяком случае, в голове пронеслись Лермонтов, Грибоедов, царица Тамара, Багратион... А справа и слева были ослики, женщины в черном, гниющие фрукты вдоль дорог.

Суворов не успел толком осмотреться, прийти в себя от соприкосновения с совершенно иной культурой, другими людьми и манерой общения, как был тут же вовлечен в тесный круг товарищей и приятелей брата. Лавр, несмотря на то что был старше Георгия на тринадцать лет, был куда общительнее его и непритязательнее в выборе знакомств. Природой своей он принадлежал к закоренелым холостякам, к которым женщины липнут как мухи к меду.

Когда они с вокзала тряслись в экипаже в гору, Лавр Николаевич ни на минуту не прекращал своих уверений, что здесь Георгию понравится непременно и всесторонне. Он так и восклицал: «Непременно и всесторонне». Похоже, он уже с утра (а может, и со вчерашнего вечера) всесторонне нагрузился напитками юга, и, конечно же, непременно изысканными.

Вечерело, ласточки в розоватом воздухе размашисто чертили строки о любви и смерти. И строки эти были одинаково понятны и русскому, и грузину.

Просторные комнаты двухэтажного особняка с раскрытыми настежь окнами и дверьми на все четыре стороны света были наполнены музыкой, смехом, тонкими винами. Женщины блистали в дореволюционных нарядах, мужчины были галантны, будто и не прошли горнило войн и революций. О том, что они были, войны и революции, свидетельствовало разве что непропорционально малое число кавалеров, да еще следы тяжких (и не очень) ранений, как правило, на их лицах или руках.

Георгий не успел сказать брату и нескольких слов о долгом пути к нему, как тот стал с порога представлять его собравшимся. У него вдруг безотчетно сжалось сердце, когда Лавр подвел его к совсем юной особе с роскошным цветом лица и южными выразительными глазами.

– Софья, – прозвучал небесный голос.

У нее была великолепная осанка и гордо посаженная голова. «Царевна», – подумал Георгий.

Девушка улыбнулась, протягивая руку Георгию. Тот едва удержался, чтобы не приложиться к ней с бо'льшим воодушевлением, чем позволяли приличия.

– Георгий Николаевич, – сорвался он на фальцет и попросил у брата воды.

Софья предложила Лавру поухаживать за его братом. Лавр Николаевич охотно согласился и подошел к компании за ломберным столиком, и оттуда тотчас же раздался оглушительный смех. Лавр Николаевич мог рассмешить даже мертвого.

– Лавр Николаевич так хорошо вписался в нашу компанию, – сказала Софья, – будто родился в Тифлисе.

– Да, – заметил Георгий, – он душа любого общества.

– Вы сейчас из столицы? – спросила девушка.

– Вы имеете в виду Москву?

– Нет, я имею в виду столицу.

– Да, из нее. Из столицы.

– Как Нева? Мосты? На похоронах Блока были?

– Был, – Георгий с удивлением посмотрел на Софью.

– Говорят, он сам на себя был не похож.

– Если вы имеете в виду его музу, то да.

– Удивительный поэт, не так ли?

– Вы правы, удивительный.

– А как вам вид из окна?

– Можно, я по порядку? – спросил Георгий. – Про Неву и мосты.

– Конечно же, рассказывайте! Выйдем на веранду. Страшно хочется всё услышать из первых уст! Я ненасытная до сплетен и новостей. У нас тут хоть и царское место, да всё равно провинция. Сдерживайте меня, я год не видела никого оттуда. Там, верно, одни перемены? Рассказывайте-рассказывайте, больше не буду, – засмеялась Софья.

– Про Неву и мосты можно рассказывать долго. Нева одна лишь и утешает меня и тех, кто еще остался на ее берегах, что ничто не меняется в жизни, по большому счету. Эти несколько прошедших лет сродни наводнению, которое подкосило здоровье Петра Великого.

– Это, Георгий Николаевич, очень примечательно, что вы сказали о Петре. Что они делают? Что делают! Мы все в шоке. Простите, продолжайте-продолжайте.

– На Неве почти не осталось кораблей, в парках людей. Про дворцы и особняки вообще лучше ничего не говорить...

– Разграбили?

– Хуже. Устроили в них казармы, приюты. Представляете, мыло воруют! Инфляция – дикая. В одночасье все стали Дюпонами и Рокфеллерами. А бездомных как опавших листьев.

– Их принес ветер Блока... Поговаривают, скоро начнутся изменения в экономике.

– Какой, однако, вечер, – Георгий потянул носом. – Какой аромат. А воздух...

– Вот вы где! – послышался голос Лавра. – Бежите общества, как Мцыри?

– Да, Лавр, мы так мило беседуем с твоим братом.

Георгия поразило, что Софья с Лавром на «ты», и так запросто. Ему показалось, что Софья не из таких.

– Смотри, я ревнивый! – засмеялся Лавр Николаевич. – Не посмотрю, что брат.

Засмеялась и Софья. Георгий не знал, как отреагировать на эту шутку.

– Мой брат прежде думает, потом говорит, – похлопал его по плечу Лавр. – Иногда так долго, что забывает изречь. Но – одобряю! Так и должен поступать настоящий мужчина. Не буду мешать вам, – он поцеловал Софью руку и удалился с куплетами Мефистофеля.

– Вы давно знакомы с Лавром? С Лавром Николаевичем, – поправился Георгий.

– С первого его дня в нашем городе. С ним трудно не познакомиться.

– Да, – согласился Георгий, – трудно. Помню, я был подростком... еще перед войной... но тогда уже вовсю ходили слухи о войне, нашей стремительной победе и славе (наконец-то!) русского оружия. У нас каждый день собирались друзья, знакомые Лавра, много пили шампанского во славу российского Марса, святого Георгия Победоносца. Если бы победы русского воинства зависели от выпитого в нашем доме вина!

– У вас большой дом?

– Был. Да, большой. Трехэтажный, лестница, львы по бокам, жандарм в стороне.

– Простите, Георгий... Ничего, что я так?

Суворову это показалось странным – все-таки едва знакомы. Ну да тут юг, всё кипит.

– Ради бога, Софья, – разрешил он.

– Георгий, хотите, я покажу город, вон ту его часть, – Софья указала на дома и деревья, уходящие вниз.

– Буду весьма признателен, – охотно согласился Георгий. – Только брата предупрежу, а то станет искать.

– Лавр, – бросила походя Софья, – мы на горку, покажу вид.

Лавр молча проводил их взглядом. А когда они спустились на первый этаж, со второго этажа послышался оглушительный смех.

– Когда он в ударе, весь дом сотрясается от смеха. А он постоянно в ударе, – сказала Софья, как показалось Георгию, с некоторым осуждением.

– Он любит всех завести, никого не оставит без внимания, – сказал Георгий.

Софья внимательно посмотрела на него.

– А вы чуткий собеседник, – сказала она. – Редкое по нашим дням качество.

– Не успел спросить Лавра, как он оказался в этом доме. Он купил его?

– Это мой дом. Разве он не сказал?

– Нет, – простодушно ответил Георгий. – Я думал, его.

– Вы полагаете, Лавр Николаевич способен подыскивать себе жилье сам? У него совершенно другой стиль. Он скорее подыщет себе страну, чем дом, и королеву, чем... жену.

– Вас это как-то угнетает?

– Да вы злючка!

Георгию доставила удовольствие ее реплика.

Стало темнеть.

– Неудачно мы вышли, – сказала Софья. – Через полчаса совсем стемнеет. У нас темнеет быстро. Раз! – как гильотина.

– Не успеем посмотреть? – Георгий подумал, что у Софьи воображение как у Мериме.

– Нет, – вздохнула девушка и остановилась, глядя на Георгия и ожидая с его стороны каких-либо предложений.

– А просто погуляем, без осмотра, – предложил Суворов.

Девушка взяла его под руку, и они пошли дальше.

– У нас тут опасно, – шепотом сказала она. – Ночью особенно.

– Посмотрим, – засмеялся Георгий. – Кинжал, жаль, в кофре остался.

– Это даже лучше, – засмеялась Софья, – что он остался в кофре. Кинжал у нас просто так не извлекают. Извлек – убей! А нет кинжала, никто и не пристанет.

– Как же узнают в темноте, есть он или нет?

– Узнают, – загадочно произнесла Софья.

И только прозвучали эти слова, к ним из темноты выступили три темные фигуры. Софья ровным голосом о чем-то сказала им по-грузински, фигуры исчезли.

– Узнали? – спросил Георгий. – А если б я один шел? По-грузински я и двух слов не знаю.

Девушка оставила его вопрос без ответа. Они молча шли под деревьями. Через минуту она обронила:

– Этого было бы достаточно. Остальные слова они знают.

Суворов рассмеялся.

– Что? – спросила Софья. – Я сказала что-нибудь не то?

– То, то, – улыбнулся Суворов. – И куда мы идем?

– А мы уже пришли, – сказала девушка. – Вот беседка, там сейчас никого нет. Здесь так хорошо слушать ночь. Ее слушаешь снаружи, а она начинает шептать изнутри тебя. Вот, садитесь здесь. Помолчим.

Они опустились на скамейку. Георгий локтем соприкасался с локтем девушки и оттого никак не мог прислушаться к голосу ночи, пробуждающемуся в нем. «Может, это и есть голос ночи», – подумал он, слыша, как кровь стучит в висках и колотится сердце.

Минут через десять, когда Георгий перестал слышать все звуки и углубился в свои воспоминания, а может быть, фантазии, когда воображение унесло его в запредельные дали, куда-то на полвека вперед, и он там вот так же сидел с Софьей и прислушивался к...

Софья неожиданно встала и решительно подняла его за руку.

– Я молилась, – призналась она.

– Молились? – удивился Георгий. – За кого?

– За вас, за Лавра, за всех. В такую ночь, когда нет ни звезд, ни луны, ни огней, хорошо молиться за свет в наших окнах и наших душах.

– Вы сюда приходите молиться?

После некоторого молчания Софья сказала:

– Да, хожу. Вы первый спросили меня об этом.

– А вы здесь уже бывали с кем-то?

И опять через долгую минуту молчания:

– Их уже нет с нами. Они там, куда возносятся мои молитвы.

– Простите, Софья. Если хотите, помолчим.

– Нет-нет, – бодро произнесла девушка. – Ни в коем случае! Вот еще! Помолчим. Теперь-то мы и поговорим с вами. Давайте, что вы мне еще не рассказали о столице? Как там университет?

Суворов стал рассказывать последние новости об университете, о театральных постановках, о балете и опере. Незаметно подошли к дому Софьи.

– Жаль, – сказала она. – Такой чудный вечер был.

– Почему же жаль, – поинтересовался Георгий, – если был?

– Потому и жаль. Поднимемся наверх. А то Лавр Николаевич, поди, уже кинжал точит.

Лавр играл в карты и помахал вошедшим рукой.

– Как погуляли? – крикнул он.

– Хорошо, – дружно ответили Софья и Георгий.

– Вижу, – засмеялся Лавр Николаевич. – Как там звезды? «И звезды яркие, как очи, как взор грузинки молодой!..»

– Не правда ли, он хоть отважен и даже безрассуден, мало походит на полководца Суворова? – спросил Георгий.

– На Суворова? – Софья нахмурила бровки. – Вон оно что. А причем тут Суворов?

– Фамилия у генералиссимуса тоже Суворов была.

– Он разве Суворов? Всем он представился как Бахметьев.

II

Вся комната Надежды Алексеевны была заставлена коробками и ящиками, черными и коричневыми чемоданами с металлическими уголками и без. Мебель орехового дерева соседствовала с допотопными сундуками. Тут же стояли друг на друге большие кожаные саквояжи, вдоль стен – напольные и настенные часы, машинка «Зингер», венские стулья, заурядная этажерка. Всё это располагалось двумя штабелями вдоль стен почти под потолок полногабаритной квартиры. Сверху их накрывали огромное покрывало (пять на пять метров) из плотной, как рубероид, неприятной на ощупь материи и ставший плотным за сто лет когда-то мягкий темно-вишневый чехол от рояля.

Елена давно не заходила сюда. Да, собственно, со дня кончины свекрови. Сколько пыли! Вот уж воистину пыль веков. Она с ужасом представила, что всё это предстоит разобрать и выбросить почти всё на свалку ей одной, так как допускать кого-то чужого к этому мастодонту, конечно же, безумие. «На сколько же мне тут работы, – уныло прикидывала она и понимала, что меньше чем за три недели с архивом ей не управиться. – Придется угрохать весь отпуск. И так уже забыла, когда отдыхала в последний раз. Он, наверное, и был последний».

Елена вспомнила, как три года свекровь, разбитая инсультом, раз в месяц вставала с постели и долго, отказываясь от всякой помощи, пробиралась «коридором древности» только для того, чтобы убедиться, что все коробки и ящики на месте. Она, как краб, шла боком и пересчитывала их, ведя пальцем, сначала по одну сторону комнаты, затем, возвращаясь к постели, по другую. Считала, скорее всего, машинально, так как под чехлами было невозможно установить точное число мест.

– Сорок семь мест, – тем не менее удовлетворенно констатировала всякий раз Надежда Алексеевна и ложилась в постель.

После этого милостиво разрешала поухаживать за собой: подвинуть к стеночке, поправить подушечку, накрыть одеялком, подставить уточку. Она так и называла их ласково: стеночка, подушечка, одеялко, уточка. А к Елене, постоянно ухаживающей за ней, обращалась только по имени-отчеству и на «вы». Она часто изощрялась в фразопостроении: «Ну и что по этому поводу думает лучшая половина Николеньки?»

«Будь у нее вместо кота пантера, давно скормила бы меня ей, – думала Елена. – Когда я стану такой же разбитой и старой, если, конечно, доживу, ни за что не позволю никому ухаживать за мной, ни за что не покажусь им в таком виде!»

Им – кому «им»? Пока свекровь была жива, теплилась хоть какая-то надежда на спасение Николая. Но мать унесла с собой и эту надежду, и его желание жить.

Елене не хотелось думать, что пройдет неделя-другая, и она останется совсем одна, но думалось только это. Усилием воли она все-таки прогнала тягостные мысли. Когда-то это был кабинет Георгия Николаевича. Почти двадцать метров. Вот тут был полукруг черной металлической печи до потолка. Уголь таскали из сараюшки в глубине двора. По широкой лестнице поднимаешься и заходишь в хоромы, где потолки три шестьдесят. Сбоку «темная» комната для прислуги. Ей тогда очень нравилась эта лестница и эти потолки. Чтобы поправить шторы, надо было лезть на стремянку, так как с табуретки на столе было не достать.

Кабинет запирался на ключ. В нем она никогда ничего не прибирала. Вытирала лишь пыль, и то редко, в присутствии Георгия Николаевича. Каждый вечер заносила чай, с предупреждающим стуком в дверь: «Георгий Николаевич, можно, чай?» Обычно тут же следовало: «Заходи, Лёля». Тогда еще стояли стеллажи для книг, а на месте кровати – двухтумбовый письменный стол...

– Ле-на, – услышала она. Прислушалась. Опять донеслось: – Ле-на...

Когда Елена зашла в спальню, Николай приподнял голову от подушки и недовольно бросил:

– Сколько звать можно?

– Не слышала, прости.

– Там, на этажерке, коробка, – он судорожно ткнул иссохшим пальцем в направлении кабинета. – Папа перед смертью просил маму передать тебе. Она забыла, наверное. Случайно увидел, – Николай уронил голову на подушку, лишившись последних сил.

Елена взяла коробку и прошла в зал. В комнате свекрови, столько лет бывшей то кабинетом, то лазаретом старших Суворовых, ее охватывал ужас при мысли, как много лет прожила она в этом доме в качестве прислуги. Она села в кресло, включила телевизор и, убавив звук, взяла в руки коробку. Понюхала ее, коробка пахла не картоном, не пылью. Коробка пахла розовым маслом.

Она открыла коробку, сверху лежал флакон удивительно тонкой работы в кости, от него и исходился этот стойкий дивный аромат старинного масла, которое идет на изготовление лучших духов. В конверте лежало большое письмо.

Елена почувствовала необыкновенное волнение в груди. Ей показалось вдруг, что она слышит голос Георгия Николаевича, видит, как он встает из-за письменного стола, когда она в первый раз вошла в их дом. Было видно, что он еще весь во власти своих мыслей, но природная элегантность и тончайшее воспитание не позволяют ему сидеть, когда в комнату входит женщина. Он был, пожалуй, единственным из всех знакомых мужчин, кто вставал перед нею.

«Дорогая Лёля!» – увидела она первые слова, написанные изящным, как и сам Георгий Николаевич, почерком. Когда она осознала, что эти слова из глубины прошедших лет обращены к ней и что они (как розовое масло) не потеряли своей силы, она зарыдала. Она долго не могла успокоиться, так как ясно представила себе, что очень скоро от этой небольшой, но сложной, таинственной, непредсказуемой семьи останется она одна. Пожалуй, мыслей об одиночестве уже не избежать, как не избежать и самого одиночества.

«Дорогая Лёля! – успокоившись, продолжила Елена чтение. – Сейчас, когда ты читаешь это письмо, меня нет уже сорок дней. Я попросил Надежду Алексеевну передать тебе мой подарок на сороковой день после того, как я уйду от вас...»

Елена с вздохом отложила письмо в сторону и пошла на кухню, попить воды. «Это уж на вашей, Надежда Алексеевна, совести, что не на сороковой день, а спустя шестнадцать лет я держу ваше письмо, Георгий Николаевич, в руках. Бог простит ей, а я давно всем всё простила».

Она выпила большую кружку воды, посмотрела в окно, там играли дети, совершенно бестолково бегая, то слева направо, то справа налево, и вернулась в комнату. От письма шел тонкий аромат розового масла. А может, это от непрочитанных ею слов Георгия Николаевича за шестнадцать лет образовался аромат и пропитал все вещи в коробке? Какой у него четкий, нет, не каллиграфический, но очень четкий, стройный почерк. Такой почерк может быть только у человека, который имеет свою позицию в мире и свой взгляд на мир, который он, не исключено, так никогда и не воспринял как свой.

«...Еще вчера я думал, что уйду от вас далеко, но сегодня мне кажется, что от семьи, как бы ни сложилась в ней жизнь, какие бы ни были между ее членами отношения, не уйдешь даже после смерти. Да и как от нее можно уйти, если всю жизнь был привязан к ней?»

Лёлечка, я всегда относился к тебе с душевной приязнью и любовью. Одно то, что ты жена моего сына, уже наделяет тебя иммунитетом неприкосновенности, и я удивляюсь, как этого не понимает моя жена и твоя свекровь. Но не буду осуждать ее, ибо каждого из нас можно и нужно осуждать, но это не наша прерогатива.

С того первого дня, как ты появилась в нашей семье, как Николенька ввел тебя в наши уставленные коробками помещения, с того первого дня я понял, что к нам в дом пожаловала

фея домашнего очага. И как мне больно, как больно, что, уходя от вас, я оставляю боль в твоём сердце, боль от непонимания нашего к тебе отношения, и особенно нетерпимости к тебе со стороны Надежды Алексеевны. Об одном прошу тебя: прости меня, прости Надежду Алексеевну, прости Николеньку. Каждый из нас хотел тебе одного лишь добра...»

Всех, всех я простила, Георгий Николаевич, даже вашу жену Надин, даже мать Николеньки маман, даже мою неугомонную свекровь Надежду Алексеевну.

«...Здесь ты найдешь сапфиры и бриллианты, которые являются фамильными драгоценностями Суворовых. У Надежды Алексеевны этого добра довольно, а тебе они сейчас будут самое в пору, так как ты вступаешь в тот пленительный для женщины возраст, когда женщина становится королевой. Дай Бог тебе, Лёлочка, долгих лет любви, счастья и семейного благополучия! Пусть жизнь твоя будет ровной и сияющей, как сияние полной белой луны, которую я вижу в своём окне в последний, как мне кажется, раз...»

Елена достала из коробки шкатулку редкой работы; внутри нее были еще две коробушки. «Прямо как смерть Кощеева», – подумала Елена и улыбнулась сквозь слезы. Когда она открыла обе коробки, то оторопела: в одной действительно были сапфиры, а в другой – бриллианты!

«...Эти безделушки, знаю, скрашивают женщинам жизнь, жаль, что не удлиняют, ну да чем бы дитя ни тешилось... А ты для меня, Лёлочка, такой же ребенок, как и мой сын, Николенька, как и твой сын, который, даст Бог, родится у тебя. Назови его Юрием – хорошее имя.

До свидания, родная. Не поминай лихом. Твой свекор и отец Георгий Николаевич Суворов.

Р. С. Когда-нибудь, я уверен, ты узнаешь всё...»

Елена смотрела на сапфиры и бриллианты и не знала, что делать с ними. За шестнадцать лет, что прошли со дня смерти Георгия Николаевича, Бог так и не дал ей сына, а драгоценности многое потеряли в своей привлекательности. Собственно, они превратились в ничто. Она не могла любоваться ими. Она не могла их даже примерить без содрогания. Ей казалось, что на нее с того света смотрит с укором свекровь. Смотрит как на вора, залезшего в семью. И будет смотреть, пока они в ее руках.

«Что мне эти камни теперь, зачем? – думала Елена. – Сколько лет свекровь забирала мою зарплату, оставляя на день меньше рубля. Чтобы остаться женщиной на рваный рубль в день, надо быть богиней. Вечно молодой богиней. Как в молодости всё хорошо. Какие молодые одухотворенные (не то что сегодня) лица сверстников, какая безмерная радость от того, что живешь на земле!...»

Она закрыла коробочки, вложила их в шкатулку, ту – в коробку, бросила коробку в полиэтиленовый пакет и поняла, что содержимое пакета сейчас для нее не дороже самого пакета. «Был бы сын, было бы это всё его... Надо позвонить в детдом, – подумала она, почувствовав вдруг себя одинокой детдомовкой. – А что так тихо?» Она замерла – в квартире царила мертвая тишина!

III

Седьмого ноября Николай привел Елену домой. Удивительно, праздником в доме Суворовых и не пахло. То есть буквально: праздничный стол был вообще не накрыт.

Николай познакомил девушку с матерью, та напряженно взглянула на прищелицу, словно провидя всю грядущую полосу их совместного проживания. Но отец, который писал что-то под старинной лампой с абажуром, рассеянно взглянул на вошедших и тут же поднялся, с улыбкой обратив к Елене свое молоджавое породистое лицо.

– С праздником, Георгий Николаевич, – сказала Елена.

Суворов смешно поднял бровь и недоуменно переспросил:

– С праздником? Ах, да. С праздником, с праздником. Как там, на улице? Метель?

Он сел и, не дожидаясь ответа, углубился в свои размышления, прерванные их приходом. Николай приложил палец к губам и, взяв Елену за руку, на цыпочках вышел из кабинета.

– Речь готовит, – шепотом сказал он. – Десятого летит на заседание Академии.

– Чай будете? – сухо предложила Надежда Алексеевна.

– Не откажемся, – улыбнулась Елена.

Надежда Алексеевна никак не отреагировала на девичью попытку завязать отношения и, глядя на сына, спросила, обращаясь только к нему:

– Есть кекс, или с колбасой?

Николай посмотрел на Лену:

– С колбасой?

Елена молча кивнула. Ей было всё равно, с чем. Ей было не всё равно, как.

Николай же, казалось, ничуть не замечал этих мелочей. «Он, наверное, весь в отца, – подумала Елена, – на мелочи жизни не обращает внимания». Они пошли на кухню и долго сидели там за чаем. Чай пили молча. «Неужели вот так будет и потом, – подумала Елена. – Какая огромная кухня!»

– Значит, решено? – сказал Николай. – Подаем заявление после праздников?

– Я не понравилась твоей маме, – вырвалось у Елены, и она поняла, что совершила ошибку.

– Ничего, – успокоил ее Николай. – Разве это важно? Важно, нравишься ли ты мне, а я тебе.

Елена почувствовала вдруг себя намного старше и опытнее Николая. Он был очень похож на отца, но в нем не было того, что сразу же бросилось ей в глаза, как только она увидела Георгия Николаевича с порога, – породистости. А еще уверенности в себе.

– Ты не ответила. Решено?

– Решено, – усталым голосом ответила Елена и не услышала саму себя.

– Жить будем в маленькой комнате. Родители в угловой. В зале обедаем.

Елена хотела было спросить, разве они не собираются когда-нибудь зажить отдельно от родителей, но решила, что эти вопросы задавать еще рано. И впрямь, замуж сперва выйти надо, девушка. А уж потом детей нарожать и жить как кому вздумается!

Она встряхнула головой, сбросив с себя груз неутешных мыслей, и звонко рассмеялась остроумной реплике Николая. За такой вот смех Николай и обратил на нее внимание.

Когда Николай и Елена вышли из комнаты, Георгий Николаевич отложил в сторону бумаги и задумался, вспоминая Тифлис. Он вспомнил дом под черепичной крышей, веранду второго этажа на балках, перекладины вокруг дома для винограда, инжир и тутовник во дворе. Плоские камни двора, родничок, белую сплошную стену вокруг... Он вышел на кухню и услышал жемчужный смех девушки. Он остановился как вкопанный. Так когда-то смеялась Софья.

– Так он Суворов? – рассмеялась Софья. – А он тут столько всего поведал о роде Бахметевых! До князя Владимира дошел.

– Это наши дальние родственники, по линии матушки, – сказал Георгий. – И там столько мутной воды. Зато по линии отца всё чисто как бриллиант.

– Чисто, да не совсем! – снова засмеялась Софья. – Что таиться тогда, если всё чисто?

– Оттого, наверное, Лавр и таится, – заметил Георгий, – что слишком всё ясно и чисто.

– Не верю. Тут что-то не то! Я думаю, всё дело в шкатулке. Она постоянно с ним, а за поясом два пистолета.

– Документы, наверное, доверенности, закладные...мало ли что?

Софья пожала плечиками:

– Уже половина Тифлиса знает, что у него там или фунты, или золото. Георгий, я прошу вас, отвлеките его от этого жуткого занятия. Глядеть страшно!

Георгий подвел Софью к дамам, извинился и отошел к брату. Тот бросил играть в карты и сидел в кресле, подбрасывая в воздух кинжал. Он был уже изрядно пьян, но еще весел и открыт. А кинжал, описав в воздухе двойное или тройное сальто, неизменно падал к нему в ладонь рукоятью.

– Что, братишка, что Жорж, как тебе тут у нас, на Кавказе? – воскликнул он, продолжая подбрасывать кинжал, не глядя на него.

– Лавр, я хотел бы поговорить с тобой, – тихо произнес Георгий. – Осторожней.

– Говори! – закричал Лавр. – Я ни перед кем не таюсь! Говори!

– Лавр, я действительно хочу поговорить с тобой. Конфиденциально.

Лавр не стал ловить кинжал, расставил колени, и тот мягко вошел в пол.

– Ради бога, – посерьезнел Лавр. – Пошли в ту комнату. Софья, мы уединимся?

Софья мило улыбнулась ему. Лавр выдернул кинжал и пошел, вертя им между пальцами.

– Ты прямо циркач! – не удержался Георгий.

Лавр хохотнул. Георгий прикрыл дверь. Братья расположились на приземистом диванчике. Лавр, не глядя на кинжал, продолжил свои упражнения. Георгий решил не обращать на них внимание. Уж если что Лавру втемяшится, будет делать, пока не надоест.

– Лавр, что за шкатулка у тебя? – спросил он напрямик. – Все говорят о ней.

– Шкатулка? – взгляд у Лавра стал острым и жестким. Кинжал снова воткнулся в пол. – Кто говорит? Идем к нему!

– Не кипятись. Софья сказала.

– Эта знает, – расплылся Лавр в улыбке. – Она видела, как я доставал одну цацку.

– Цацку? Что за цацку? Зачем?

– А чтоб жить на нее, вот зачем цацку. Без цацек, милый мой, что тут делать? Впору подаваться в абраги. А что, и подамся. Слава богу, оружие в руках держать умею.

Он выдернул кинжал и неуловимым движением метнул его в притолоку. Лезвие на треть ушло в древесину.

– Не дуб, – пробормотал он, – и не бук. Погребальный звук...

– Извини, Лавр, я не посвящен во все тонкости вопроса. Не понимаю тебя. Я про цацки.

– Да что тут понимать? – устало обронил Лавр. – Семейные драгоценности спускаю, брат. С ними думаю и за кордон податься. Думаешь, я кому нужен в Австралии? Кому я, Жорж, нужен таким, каков я есть? Ни-ко-му. Подумаешь, Суворов! Там таких пол-Австралии. А с цацками, о, с цацками я Ротшильд! Ты не волнуйся, половина цацек твои. Ровно половина. Больше не с кем нам их делить.

– И где они? Надеюсь, ты их надежно спрятал?

Лавр хохотнул.

– Ты меня удивляешь, Жорж! Будто ты не в России живешь, а где-нибудь в Швейцарии или Амстердаме. У нас самое надежное место – карман да пазуха. Во всяком случае, они всегда при тебе. Пока жив. Ну а сдохнешь, тогда всё равно. Хотя чертовски хочется пожить еще капельку, а? Я, Жорж, вижу, как к горлу моему тянется рука. Она и во сне снится мне... Вот они, наши цапки.

Лавр пошарил рукой под диваном и извлек наружу шкатулку. Раскрыл. Там были две коробочки. В одной лежали сапфиры, а в другой бриллианты.

– «Не счесть алмазов в каменных пещерах», – пропел Лавр. – Это, Жорж, нам отец завещал. Когда у вас ничего не останется, сказал он, ни имения, ни дома, ни имущества, поделите их поровну. Он не вписал их в завещание, словно чувствовал, что мы пойдем с тобой в народ. Скорее всего, он думал, что я буду тому виной, и достаточно часто попрекал меня в моем неумном азарте жизни, но после пятого года уже без обиняков заявил мне, что есть вещи куда более жуткие, чем азарт дворянина. Помнишь Пушкина, о бунте?

Раздался стук в дверь. Георгий потянулся к шкатулке, чтобы закрыть ее.

– Это Софья, – остановил его Лавр. – Заходи! – крикнул он.

Вошла Софья.

– Какая прелесть! – всплеснула она руками.

– Позвольте, сударыня, вашу божественную шейку, – сказал Лавр. – Вот так. Как?

Колье было царское! Софья не могла наглядеться на него.

– Это тебе, Сонечка, от меня. А Георгий, коль захочет, подарит что-нибудь на свой вкус. Вы позволите? – Лавр взял шкатулку под мышку и вышел в зал.

– Он сумасшедший, – сказала Софья. – Георгий, возьмите это колье.

– Я не могу, Софья, это его подарок.

– Такие вещи не дарят... случайным знакомым.

– Софья, как вы можете так говорить? Подарок от всего сердца.

– От всего – отчаянного – сердца – верю. Нет, Георгий, в Австралии или куда вы там собрались, они вам пригодятся скорее. А моя шея, уж поверьте мне, без ожерелья не останется.

– Я не возьму, – покачал головой Георгий. – Вы что, смеетесь надо мной? Колье ваше!

Георгий с удивлением увидел в ее глазах слезы. Девушка отвернулась и подошла к окну.

– Какой сегодня воздух, светится изнутри, – спокойным голосом произнесла она, и в ее голосе был свет, которым был пронизан воздух.

Внезапно открылась дверь.

– Софи! – позвала ее дама в неприлично длинном платье. – Софи! Там опять!

Софья поспешила в зал. Георгий за ней.

В зале Лавр и капитан Залесский о чем-то спорили. Причем Залесский был уже красный как рак, а Суворов белый как мел. Софья подошла к Лавру, тронула его за плечо. Тот мутным взором взглянул на нее и никак не отреагировал.

– Брат! – воскликнул Георгий.

Лавр отмахнулся от него.

– Вы, сударь, подлец! – крикнул он капитану.

Залесский сорвал со стены саблю. Сабля была боевая.

Лавр хохотнул и сорвал другую с той же стены. Несколько раз со свистом рассек воздух.

Женщины взвизгнули. Мужчины смолкли. Все прижались к стенам, кое-кто выбежал из зала вон. Суворов с Залесским стояли напротив друг друга, ожидая, кто первым сделает выпад. Несмотря на свою горячность, оба поединщика имели на удивление ледяную выдержку.

Георгий встал между ними. Протянул в обе стороны руки.

– Прекратите! – срываясь на фальцет, воскликнул он. – Идиоты! Здесь же дамы!

Лавр и Залесский после секундного колебания по очереди повесили сабли на старое место и, не глядя друг на друга, разошлись по разным углам.

Софья поцеловала Георгия.
– Да вы герой, – сказала она.

IV

Похоронив Николая, Елена взяла отпуск и третий день возилась с архивом. Некоторые документы и вещи были уникальны сами по себе, а еще более уникальна была их коллекция. Дневники русских офицеров, эмигрировавших из России, их письма и записки из-за кордона, иногда на жалких клочках бумаги. На проекте железнодорожной магистрали, представленном дедом Суворова, были личные пометки царя. Не исключено, что они вместе смотрели на эти карты, обсуждали расчеты. За любую такую страничку когда-то могли упечь на Соловки. Елена вспомнила, сколько раз Надежда Алексеевна со страхом (тогда казавшимся ей театральным) звонила в институт и спрашивала, почему Георгий Николаевич задерживается. А их замкнутость – неужели только из-за архива? Неужели они свои жизни положили на алтарь прошлых жизней людей и событий, отшумевших в истории как листопад. Старшие Суворовы обсуждали семейные тайны за закрытой дверью. Приглашали иногда Николая. А вот ее ни разу. Ей тогда это было крайне обидно. «Просто меня не хотели допускать к своим тайнам, – подумала Елена. – Сперва боялись за свою жизнь, потом за карьеру, за семью. Выходит, и за меня?.. Всё равно, всё равно, – думала она, – я не могу им простить этого, не могу! Ведь они разбили мою жизнь».

Из ряда документов, фотографий, дагерротипов, хорошо сохранившихся вещей видно было, что у предков Суворовых было поместье, были дома. Были лошади, собаки, коляски. На многих документах красовались подписи титулованных особ. Каких только вещей не было! Серебро, фарфоровые чашечки без ручек, картины, рукописи, письма, записки, лорнеты, лошадки каслинского литья. Расписанные подносы и инкрустированные шкатулки. Сборники стихов поэтов с автографами Иннокентия Анненского, Вячеслава Иванова. Золотые браслеты и золотые часы, малахитовые и черепаховые шкатулки, обручальный перстень на небывало большой мужской палец и тут же перстенок на карликовую лапку, перчаточка с припиской «С бала у княгини Печерской пятого января».

А тут как будто одна посуда. В дорожном несессере серебряные ложки в холщовой тряпке. На них, как и вообще на всей посуде и белье, на скатертях и полотенцах инициалы и вензеля Суворовых. Даже на больших дутых золотых браслетах с внутренней стороны. Сервиз, заказанный дедушке и бабушке Георгия Николаевича (господи, когда это?) к их свадьбе.

Да, свекрам было чего бояться. Представить трудно, как можно было всю жизнь жить с таким страхом в душе. Даже в последние десять лет, когда уже и бояться-то стало нечего, кроме жуликов да бандитов, и когда можно было продать золотишко, посуду, чтобы не надирать пупок на различных подработках для ее же и Николая лечения, свекровь перекочевала из спальни в кабинет и устроилась там как собака на сене.

Вечером Елена, не чуя под собой ног от усталости, в отчаянии упала на диван. Первое ее желание выкинуть весь этот хлам на свалку, сменилось сомнением, а затем и уверенностью, непонятно откуда взявшейся, точно от общения с архивом, что всё это надо обязательно сохранить и каким-то образом сделать достоянием общественности. «Что, и мне теперь посвятить свою жизнь этому монстру, заглотнувшему семью Суворовых вместе с их родней? Всю жизнь этот архив прятали от меня, а я теперь его должна сохранять? Не выбрасывать же его! Или все-таки выбросить? А чего я тогда три дня вожусь с ним? Смешно, крестьянка – наследница и хранительница господского пепелища».

Елена в раздражении от собственной нерешительности едва не расплакалась. Сколько же их тут, этих вещей! И ведь их, скорее всего, никто специально и не собирал, а складывал так, на всякий случай. Скопидомство не скопидомство, синдром Плюшкина. Из-за обостренного чутья времени, что ли, эта жалкая попытка сохранить крупницы прошлой жизни? Неужто из-за неверия в жизнь будущую? А с другой стороны, вряд ли кто из людей задумывался над тем, что

от огромного мира останутся не они сами, а эти бездушные, никому не нужные предметы, да и те-то в таком малом количестве. Но стоило Елене взять в руки перчатку или салфетку, документ или фотографию, она кожей чувствовала легкое жжение. Словно прошлое превратилось со временем в кислоту или щелочь. Много было такого, чего не разбирал сам Георгий Николаевич. «Поразительно, – подумала Елена, – всё это старье будто напитано энергией молодости, но какой-то гибельной, и в нем дух Плюшкина смешался не иначе как с духом Печорина».

А что за книга была там, в сафьяновом переплете? Огромная, тяжеленная. Елена с трудом извлекла ее из ящика, чуть не сорвав себе ноготь, уселась на полу, прислонившись к ящику, и наобум раскрыла уже ближе к концу. Большая часть книги буквально отвалилась налево.

«...Сегодня мне был знак свыше. С утра мне казалось, что я тащу на себе всю Россию. Это давало мне сил побороть мою болезнь. И поборол бы в конце концов, не встретить я Суворова. Он был, как всегда, оригинален. Правда, неряшлив и такой маленький. И он тоже обличал меня в гибели России. Или все-таки это был мой внутренний голос?..»

Что это? Неужели государев дневник – чей? Встретил Суворова – Павел? За простыми словами скрывалась такая мощь, что их действительно могло хватить на то, чтобы спасти целую Россию. Коля лет пятнадцать назад целую лекцию устроил ей по этому поводу, на Пасху, кажется, о спасении и обличении, о диссидентах, России. Впрошال: «Так в чем больше мощи? В обличении или в желании спасти? Кто, как не полководец Суворов, ценой своей жизни спас Россию? Оттого, наверное, и имел право обличать». Смешной он все-таки иногда был, наивный моралист, и в то же время доказывал, что эстетические критерии важнее моральных. Она тогда пропустила его слова мимо ушей. Суворов и Суворов, мало ли Суворовых?

А ведь Суворовы и на самом деле были потомками генералиссимуса, а не плодом воображения Надежды Алексеевны, несколько раз бросавшей ей: «Николенька – Суворов, а кто ты?» «Я Гусева», – не сдержалась однажды она. «Вот!» Елена как-то не придавала этому никакого значения. Но сейчас всё высветилось в новом свете. Вот почему Георгий Николаевич через губу разговаривал с профессором Гориным, когда тот где-то в середине семидесятых покидал навсегда страну. Елена оказалась невольной свидетельницей их разговора. Горин зашел проститься к захворавшему Суворову.

– У меня, Георгий Николаевич, сил больше нет смотреть на эту страну! – волнуясь, а больше красуясь собой, говорил Горин.

– Что же вы, профессор, хотите, раз все свои силы вы отдали этой стране? – как-то брезгливо произнес Суворов и, пытливо взглянув на Елену, поблагодарил ее за чай.

Почему-то всё узнается тогда, когда поздно что-либо изменить и когда по большому счету уже всё равно. «Жизни всех Суворовых, отданной науке, институту, “железке”, теперь осталось ровно столько, сколько вмещается в моей памяти, да еще в этих коробках и ящиках, которые могут посмотреть, а могут и не посмотреть. Мосты? Тоннели? Высокие мысли? Всё рано или поздно ржавеет и рассыпается. А высокие мысли – они на то и высокие, что с земли их чаще всего не разглядеть... Неужели и от меня когда-то останется лишь несколько тряпок, которые пойдут на то, чтобы стирать ими пыль? А что еще? Этот архив? Память? Право, смешно. Память – пыль. Сотрешь – нет ее, оставишь – задохнешься в ней».

Николай уже в бреду рассказал ей об этом царском дневнике. Она тогда подумала: бред. Она не зажигала света. Ей на минуту показалось, что в комнате находится и Николай...

V

– Больно? – спросила Софья. Ей самой было больно смотреть на Лавра.

– Разве это больно? – короче, чем обычно, хохотнул Лавр. Правой рукой он зажимал рану на левом плече. Кровь текла по руке, заливала бок.

Софья попыталась оторвать рукав своего платья, но у нее не хватало сил. Лавр зубами надорвал ткань. Софья оторвала рукав и приложила его, морщась, к ране Лавра. В лунном свете он был похож на скульптуру мифического героя. Держась теневой стороны улицы, они тронулись дальше.

– Разве это больно? – повторил, озираясь по сторонам, Лавр. – Вот когда у лошади Александра Васильевича Суворова оторвало ядром морду... И он пеший со шпагой в руке кинулся на янычар. Когда он был сражен картечью в бок чуть ниже сердца... Знаешь, что такое картечь?... Упал без чувств, и его засыпало песком... Когда его отнесли в сторону, и он пришел в себя...

– Как ты можешь говорить так, когда у тебя такое? – в ужасе воскликнула Софья.

Светлый рукав, которым она обмотала плечо Лавра, стал темным.

– Потому и говорю так, – улыбнулся Лавр, скрипнув зубами. – Едва он пришел в себя, тут же собрал остатки войска и увлек их за собой. Пуля пробила ему предплечье, слева. Как у меня. Он стал истекать кровью, благо дело было на море... Вон река...

Они стали спускаться к реке. Лавр шагал вниз размашистым шагом. «Верно, ему совсем дурно, – подумала Софья, – раз не подает мне руки».

– Ему промыли рану, – продолжал говорить Лавр, – перевязали платком. Он тут же сел на лошадь... и поскакал на турок. К концу девятичасового сражения... Александр Васильевич был на грани обморока. Где он брал силы, чтобы... не просто усидеть в седле, а победить... победить силу турок... победить слабость своих войск... победить собственную боль?

Он почти вбежал в воду.

– Не заходи, – не пустил он Софью в реку. – Вода ледяная, простынешь.

Софья зашла, однако, в воду и стала промывать ему ледяной водой рану.

– Как бы не застыла, – озабоченно произнесла она. – Надо чем-то укутать, – она резким движением оторвала второй рукав от платья.

– Ничего, заразы меньше пристанет, – застучал зубами Лавр. – Нет, ты посмотри, задрожал! – хохотнул он. – Это я, Сонечка, наверное, испугался... Шкатулка где?

– Там же, под диваном.

– Под диваном не найдут. Не догадаются. Водки бы где раздобыть, – Суворов стучал зубами. Софья обеспокоенно посмотрела на него, пощупала ему лоб. Лоб его горел.

– Пойдем к моему брату.

Лавр удивленно взглянул на нее:

– Не боишься?

– С тобой, нет.

В доме света не было, все спали. Пришлось долго стучать в дверь. Дверь открылась, появился с лампой Джания. Провел лампой перед собой. Он был в одних кальсонах, которые контрастно белели на его медвежьем теле.

– Заходите, – произнес он по-русски, передал лампу Софье и закричал кому-то вглубь дома.

Лавр зашел первым и без сил опустился на стул. Ему казалось, что пол поехал под ногами, как корабельная палуба. Софья застыла рядом с ним. Вахтанг в дверях, скрестив волосатые

руки на волосатой груди, молча смотрел на нее. Со сна в свете лампы он напоминал косматое лесное чудовище. «Какие у него мохнатые брови», – подумала Софья.

Появилась жена Вахтанга с кувшином теплой воды и тазиком. Она принялась хлопотать возле Лавра. В сравнении с мужем она была сущей козочкой. Вахтанг так и называл Веру: «Моя серна». Она приказала мужу (почему-то по-русски) принести йод, ножницы, вату и бинт. Вахтанг тут же принес это, снова выскочил и через минуту зашел с бутылкой водки. Лавр сглотнул слюну. Джания налил полный стакан и протянул Суворову. Лавр в несколько глотков выпил водку как простую воду. Вера сделала ему перевязку, улыбнулась.

– Теперь приляг вот там, – Вахтанг провел Суворова в соседнюю комнатку с маленьким окном, в котором синела ночь.

– Вахтанг, – попросил Лавр. – Пожалуйста, будь с Соней...

Джания перебил:

– Не переживай. Кто старое помянет, тому глаза долой.

– Глаз.

– По-грузински один глаз, что по-русски два глаза.

Лавр пожал здоровой рукой руку Вахтангу. Тот удивился крепости пожатия.

– Набирайся сил, – сказал Джания и вышел, оставив дверь приоткрытой.

Суворов с тревогой прислушивался к обрывкам грузинских и русских слов, звучащих в соседней комнате, но они звучали монотонно и мирно, вязли в шуме и боли, наполнявших его тело и голову. Тревога оставила его, и он вскоре забылся.

Софья с братом наконец-то выяснили отношения. В прошлую встречу Вахтанг только пучил глаза и шипел: «Не приходи больше в наш дом! Прошу тебя, женщина, не приходи!»

– Вахтанг, – спросила Софья, – мне есть место в нашем доме?

Вахтанг подумал и, к ее удивлению, сказал:

– Есть, сестра. Оно там же, где и было всегда. Добро пожаловать в наш дом, – и он поклонился ей, что было совсем уже странно.

– Вахтанг, – сказала Софья. – Я такая же, какой ты меня знал много лет. Не говори больше о том, что я другая. Иллариона нет, но я по-прежнему хозяйка того дома. И на мне лежат кое-какие обязанности, о которых ты совершенно не должен думать.

– Как не думать, женщина? Ты женщина, и этим всё сказано. Сама сказала, на тебе дом, вот и хозяйничай! А кто думать будет? Думать мужчина должен, а у тебя нет мужчины.

– Есть. Лавр его имя.

– Э, сегодня, наверное, день согласия. Посмотри, как он там, твой Лавр?

– Спит. Вахтанг, – обратилась Софья к брату, – мне в том доме кое-что взять надо, но я одна боюсь идти туда. Там такое было...

– Идем, – поднялся Джания. – Вера, поглядывай за Лавром. Если станет бредить, смочи повязку и на лоб и дай попить, но водки не давай.

– Э, а то я не знаю, – ворчливо отозвалась жена. – Ступай. Там канаву Зураб прокопал, чтоб не ездил никто. Не свалитесь.

Ночь была тихая. Луна спряталась в тучах, потемнело, но ветер пока не поднялся. Каждый шаг их, казалось, слышен был во всей округе. Вахтанг шагал молча, уверенно выбирая путь.

Подошли к дому Иллариона. Дом непривычно темнел на фоне темного же неба. Вообще казался абсолютно черным и неправдоподобно огромным. Софье он напомнил брата. Когда в нем бывал свет, и раздавались музыка и смех, он не был так пугающе огромен.

– Странно, даже собак не слышно, – обронила Софья.

– Спят, – успокоил ее брат, подумав: «Совсем плохо тут».

– Давай не в парадный, а сзади, – предложила Софья.

Они обогнули дом. Дверь была не заперта. Постояли с минуту, прислушиваясь к ночным звукам. Было всё спокойно. Они зашли в дом, прокрались на второй этаж, зашли в комнату, где Лавр под диваном хранил шкатулку. Комната была пуста. Вахтанг остался у двери, Софья встала на колени и стала шарить под диваном рукой. Ей казалось, что кто-то дышит над ее головой.

Шкатулки не было!

На рассвете Лавр проснулся. Огляделся. В комнате был полумрак. За столом кто-то спал, склонив голову на руки. Лавр, стараясь не шуметь, встал с кровати и, поддерживая правой рукой левую, вышел в соседнюю комнату. Его подташнивало, и кружилась голова.

– Ты куда? – слышалось сзади.

Лавр, качнувшись, обернулся. Вахтанг, позевывая, шел к нему.

– Привет, – бросил Лавр. – Мне надо выйти.

– Ты слаб. Софья! – позвал Вахтанг сестру. – Софья!

Зашла Софья. Похоже, она спала, не раздеваясь.

– Что случилось? Лавр, почему не в постели?

– Я скоро вернусь.

– Лавр, не ходи туда. Там ее нет.

Лавр опустился на стул, на который вчера сел, как только вошел в дом.

– Это он. Он! Где Георгий?

– Не знаю. Я его там не видела. Мне кажется, там вообще никого уже нет. Пустой дом.

– Да, – кивнул головой Вахтанг. – Даже собак нет.

VI

Николай рядом со своим единственным другом Рябцевым, оба смотрят вперед. Удивительно, ни на одной фотографии Коля не похож на самого себя. «Он не хотел раскрываться даже объективу, – подумала Елена. – Какой он тут молодой, почти мальчик, а взгляд как у старика...»

Николай Суворов встретился возле кофейни с Олегом Рябцевым. После школьных лет, когда они дня не могли прожить не повидавшись, и совместной учебы в институте работа разнесла их по разным кафедрам, и теперь они встречались от случая к случаю.

Прозвенел звонок, и студенты потянулись в аудиторию. Николай и Олег зашли в кофейню. Две дамы с кафедры математики, оттопырив мизинчики, пили кофе с пирожными эклер и конфетами «Белочка». Николай и Олег взяли по чашечке двойного кофе безо всего и расположились за угловым столиком. Дамы, игнорируя молодых людей, рассматривали друг у друга колготки. Они поглаживали их, защищивали на коленках и бедрах, тянули, проверяя упругость и эластичность ткани. Николай поймал себя на том, что ему было неприятно наблюдать за этим, хотя он и не мог отвести взгляд. Дамы, заметив интерес молодых людей (Олег даже подмигнул одной), и бровью не повели. Допили свой кофе, мелко, как белочки, откусывая твердые конфетки, и гордо прошли мимо них. Им было под сорок. Пик педмастерства. Независимый от чужих мнений возраст.

– Возраст наливных бедер, – заметил Рябцев. – Стихи не пишешь? Есть слово лучше, чем ведро. Бёдро, запомни.

Складывалось явно ошибочное представление, что эластичность импортных колготок для дамочек была интереснее эластичности мужских взглядов соотечественников. Но дамы всей своей поступью настаивали на этом! «Женщины не могут без того, чтобы не уязвить мужчин», – вспомнил Николай о матери. «Вот почему и неприятно», – подумал Суворов.

– Женщина в колготках – змея, – заметил Олег. – Никакой романтики. Чулки совсем другое дело. У чулок есть одна особенность, которой нет у колготок.

– Какая же? – спросил Николай.

– Чулки имеют особенность заканчиваться, в отличие от колготок. Какой смысл гладить женскую ногу в колготках? Женскую ногу гладить имеет смысл только в чулке. Поскольку в этой процедуре главное, когда заканчивается чулок и начинается кожа.

– Да ты гурман. Еще по одной? – Николай взял две чашечки кофе.

– На днях еду в автобусе, дело вечером, – продолжил тему Рябцев, – а сам под этим делом, плохо соображаю. Народу мало. Погода мерзкая. На последнем сиденье, где кресла друг к другу повернуты, сидит одинокая женщина. Представляешь, одна. И такая она неприкаянная! Я взглянул на нее, и меня как током ударило. Чистой воды Достоевский! Мне безумно жаль одиноких женщин. Хочется утешить. Сел напротив нее и сам не понял, как моя рука на ее ноге оказалась. Рукой веду, а она не реагирует. Только глядит на меня. И я сам как замороженный. Представляешь?

– Старушка, наверное?

– Да нет, лет тридцать, от силы тридцать пять.

– Значит, рефлекс выпал. Ну и чем кончилось?

– Да идиот я. Взял и зачем-то на своей остановке вышел, а она дальше поехала.

– Нехорошо ты поступил. Обидел женщину.

– Сам знаю, что плохо. Пить надо меньше. Опомнися, когда вышел. Вышел, а она мимо меня в окне проплывает. Как Незнакомая, та самая... И так она мне запала, что вчера весь вечер ездил по тому маршруту. Бесполезно!

Поговорив еще пару минут, они расстались.

Суворову от рассказа Рябцева стало нехорошо на душе. В тот момент, когда Олег произнес: «И так она мне запала, что вчера весь вечер ездил по тому маршруту», Николай будто сам пережил чувства Рябцева. И хотя это было, понятно, низкое чувство, оно неожиданно обрело в глазах Николая такую высоту, которой он за своими чувствами к женщине и не знал. Что толку в долгих ухаживаниях, если потом всё так пресно? Это во мне выдержка матушки. Вот кто может ждать хоть всю жизнь, а своего добьется. Так что же, вся острота только в этом ожидании?

Женщин Суворов чуждался, хотя и тянулся к ним. Странное раздвоение чувствовал он наедине с женщиной. Каждая женщина была для него продолжением его матери.

Он представил себя на месте Рябцева. Поступил бы он так же, как Рябцев? То есть подсел к женщине, стал гладить ей колени, а потом? Также выскочил на своей остановке? Или поехал вместе с ней? В этой случайной встрече пьяного мужчины и одинокой женщины в вечернем автобусе... его руке на ее ноге – там наверняка был чулок... тепле, передаваемом друг другу при этом... единении настороженных глаз... несуразности бегства и обреченности поиска на другой день – было столько поэзии, что Николаю захотелось от хандры то ли выпить, то ли пойти в зоопарк, где одни звери, и все чувства их звериные.

Поздно вечером Суворов автобусом возвращался из библиотеки домой. Он стоял на задней площадке и жадно всматривался в женщин, находящихся в автобусе. Их было на удивление мало. Ему казалось, что только здесь и только так, как Рябцев, он сможет найти свою половину. Себя он чувствовал почти пьяным от одних только мыслей. На Линеинной в автобус зашла молодая женщина и уселась на заднем сиденье у окна. «Как Незнакомая, та самая...» Усаживаясь, она скользнула по нему взглядом. Николай физически ощутил, как ее взгляд зацепил его. Он, не колеблясь, сел рядом с ней. Сел и понял, что ни за что не положит свою руку ей на ногу.

– Увы, не дано, – пробормотал он.

– Что? – спросила женщина. У нее был голос с колокольчиками. Словно кто тронул веточку с серебряными колокольчиками. Колокольчики дрожали и наполняли воздух мелодичным звоном.

– Увы, нам не дано предугадать, где обрести, где потерять.

– Вы правы, – неожиданно разговорилась женщина. – Я сейчас показывала вышивку одним, – она махнула рукой в окно, – подрабатываю, стипендии не хватает. Так надули меня, – неожиданно рассмеялась она, да так задорно, что и Николаю стало смешно.

– А я вам хотел руку на колено положить, – сказал он и тут же пожалел, что не положил.

– Так положили бы! – воскликнула она. – Чего ж не положили, раз хотели? Испугались, наверное, что по морде дам?

– Не знаю.

– Испугались. Или не сильно хотели. А вот и моя остановка.

– Это и моя, – Николай вышел первым и подал девушке руку.

Та обронила: «О», передав этим «О» и то, что она оценила это, и то, что ей не так уж часто приходится это оценивать, и спрыгнула с подножки.

– Вы тоже тут живете или приударяете за мной? – спросила она, не отнимая руки.

– Живу и приударяю, – ответил Суворов, удивляясь собственному волнению. – Похолодало, что ли?

– Мой дом вон, на той стороне, пятиэтажка, – она махнула левой рукой в сторону мяскокомбината.

– А мой этот, – указал Николай на свой дом. – Вон окна на шестом этаже.

Он посмотрел на их сцепленные ладони.

– Почему вы так волнуете меня? – спросил он.

– Наверное, потому, что сама волнуюсь, – засмеялась девушка. – Что будем делать?

– Я бы хотел еще побыть с вами. Пойдемте ко мне.

– Вы один?

– Нет, родители дома.

– А у меня никого. Я там комнату снимаю. Десяти нет? На полчаса, чай попьем, с хворостом. Любите хворост? Меня звать Елена. А вас? А то хозяйка любопытная.

– Николай, – ответил он разом на все вопросы Елены.

Хозяйка открыла дверь и тут же ушла к телевизору, ничего не спросив.

– Располагайтесь, Николай. Я поставлю чайник.

Суворов огляделся. В комнате было чисто и провинциально. И каждой клеточкой тела чувствовался бетон стен. Везде, где было можно, лежали салфетки с кружевами, несколько горшочков с цветами были погружены в вязаные кашпо. Шкаф был забит книгами. Николай открыл створки и стал смотреть книги.

– Собираете?

– Да, увлекаюсь, – призналась Елена. – Покупаю, меняю, вон те на талоны. В Молдавии была, несколько посылок отправила. Из Казахстана.

– Приличная подборка, – одобрил Суворов. – И поэзия, смотрите, практически всё, что есть доброго.

– Ну это вы преувеличиваете. Чего тут, один шкаф. У моих знакомых вся квартира в стеллажах, а у других вообще книги штабелями от пола до потолка.

– Зачем? – спросил Николай. – Какой прок от этого? Книги читают, а не штабелируют.

– Было бы чего читать. Давайте пить чай.

– Это хворост? – спросил Николай, хрустя тающими во рту лентами Мёбиуса. – У, вкусно. Медовый? Ни разу не пробовал.

Через полчаса Николай засобиравшись домой. Он хотел было позвонить матери, но ему почему-то стало неудобно посвящать еще кого-то в семейные разговоры.

– Ты меня не познакомила с молодым человеком, – оторвалась хозяйка от телевизора. – Сразу видно, порядочный молодой человек.

– Благодарю вас, – сказал Суворов. – У вас замечательная квартира. Очень уютная.

– А знаете, Николай, я вас тоже хочу проводить, – предложила Елена.

Они вышли из подъезда. Елена взяла Николая под руку, и они пересекли сначала улицу, потом проспект, подошли к подъезду Суворова, постояли около него, развернулись и пошли обратно к дому Елены. Постояли возле ее дома и еще раз проделали тот же самый маршрут. Они не замечали ничего вокруг, будто встретились после долгой разлуки. Их словно прорвало, и они рассказывали друг другу о себе всё, не заметив, как перешли на «ты». Пошел первый час ночи. Стало прохладно, но они не замечали и ночной свежести.

– Ну что ж, Лена, до свидания, – сказал наконец возле ее подъезда Николай. – Завтра обязательно позвоню.

Лена зашла в подъезд. Николай развернулся, чтобы идти домой, и в этот момент из подъезда раздался громкий крик. Суворов влетел в подъезд и в полумраке увидел две темные фигуры, зажавшие в углу Елену. Николай прыгнул из дверей на ближнего и повалил на пол, в падении ударив его коленом в спину. Вскочил на ноги и кинулся на второго. Тот выскочил в дверь. Николай подошел к Елене, обнял ее. Она судорожно прижалась к нему.

– Какие сволочи, – прошептала она. – Какие скоты! Ка...Коля!

Николай обернулся и увидел, как тот, которого он свалил на пол, заносит над ним руку. И скорее догадался, чем увидел, что в руке нож. Николай спиной упал на батарею у стены и, опершись об нее руками, повис на ней, сгруппировался и с такой силой ударил мужчину обеими ногами в грудь, что того отбросило к противоположной стене. Он стал хрипеть и задыхаться.

Елена схватила за руку Николая и потащила его наверх к себе. Хозяйка еще не спала.

– Что там за шум в подъезде? – спросила она. – Это опять вы? Лена, на тебе лица нет. А у вас кровь на лбу. Рубашка порвана. И тут кровь. О господи! Да что случилось-то?

Елена сбивчиво рассказала о нападении.

– Останьтесь, Николай, не выходите, – то ли предложила, то ли скомандовала хозяйка.

Пока Николай умывался, а потом звонил и успокаивал мать, Елена достала из-за шкафа раскладушку и застелила ее.

– Выпить бы, – Николай облизнул пересохшие губы. – Ничего нет?

Елена поставила на стол «Плиску», две рюмки.

– Сперва давай смажу и перебинтую.

Она дотронулась до его голого плеча и вздрогнула:

– Ты весь горишь.

Во втором часу улеглись. Суворов никак не мог унять дрожь во всем теле. Сначала подумал – от стычки в подъезде, но потом понял – от присутствия Елены. «Бёдро». Он слышал, что она не спит, ворочается, пребывая, скорее всего, тоже в состоянии крайнего возбуждения.

Николай встал, подошел к кровати и плашмя упал на взвизгнувшую Елену, как коршун на свою жертву. Они, сцепившись, катались по кровати, кусали до крови губы друг другу, рвались телами навстречу близости, путались, судорожно смеялись...

– Кто там опять всю ночь шумел в подъезде? – спросила утром хозяйка.

Елена, зевая, сказала:

– Пацаны, наверное.

А Николай, расслабленный от бессонной ночи, не мог сдержать блаженной улыбки:

– Шумели? Да? Ничего не слышал.

– Ты бредил во сне, – сказала Елена. – Ну-ка, нет, жар не спал.

После этого Николай больше года встречался с Еленой, никак не решаясь сделать ей предложение. Всё шло по-обычному, без особого накала чувств. А может, и не было меж ними этого сумасшествия в ту осеннюю ночь? Прошло полгода, и Николай сказал себе: то был сон, то был бред. Ведь я потом провалялся неделю в постели. Елена тоже ни разу не вспомнила о первом дне их знакомства, будто оно сразу началось со второго.

«Да, в нашей жизни с ним всё было странным, от той первой минуты в автобусе и до той последней, когда крышка навсегда скрыла его», – подумала она. Белый лоб, заострившийся нос, и через мгновение – ничего. Она пыталась представить себя на его месте, и не могла. Видно, не пришел срок.

Потом уже Елене донесли, что Надежда Алексеевна, узнав о слабости сына, присылала мужа разузнать о ней, и Георгий Николаевич, конфузясь под насмешливыми (так ему казалось) взглядами, расспрашивал о Елене Гусевой преподавателей (она тогда устроилась на кафедру секретарем). А когда вернулся с выполненным заданием домой, не мог вспомнить, что ему о девушке рассказали.

– Да хорошая, чего там, – досадливо махнул он рукой. – Сходи сама, Надин, и узнай всё, что тебя интересует.

Николай, оказавшийся случайным свидетелем разговора родителей, тут же объявил им, что у него есть девушка его мечты, и он женится на ней.

VII

Георгия с повязкой на глазах и связанными за спиной руками привезли, судя по всему, куда-то на край города, завели на высокое крыльцо с десятью ступеньками, провели в дом и усадили на стул. Несколько часов в соседней комнате длилась то ли попойка, то ли совет. Невнятный разговор или молчание сменялись вдруг криками, швыряньем мебели... Георгий пробовал заговорить с охранником, который сидел справа, но получил только подзатыльник и добрый совет заткнуться. «Неужели свои?» – подумал Суворов. Потом его вывели на улицу, провели метров сто и затолкали в другой дом. Снаружи что-то долго прибывали, потом приперли дверь бревном. Не меньше трех человек долго спорили, отрывисто кричали. Говорили по-русски, но голоса были незнакомые. Потом шаги удалились.

Георгию стало спокойнее от мысли, что он, хоть и узник, но среди русских. Он сделал шаг, другой и уперся в стену. Пройдя вдоль стены, зацепил плечом за гвоздь. Наклонил голову, подвел повязку под гвоздь и сорвал ее. Темно, хоть глаз выколи. Дверь, кажется, там. Из щелочек пробивались робкие лучики света. Георгий осторожно направился к двери, сел на пол. Пошупав сзади ладонями пол, убедился, что он деревянный. Не иначе жилой дом. «Это хорошо», – подумал он.

Георгий так и не понял, что, собственно, ночью случилось. Разбудили его крики, ругань, гулкие шаги. Послышался выстрел, другой. Кто-то завизжал. Зазвенело разбитое стекло, раздалось выстрелы, уже снаружи дома. Он выскочил из комнаты, на него навалилось несколько человек, завязали ему глаза и, приказав молчать, повезли сначала под гору, потом в гору, направо, налево... Руки скрутили умело и очень крепко, стянув, как египтяне, локти. Хорошо, хватило сил не дать притянуть их друг к другу намертво. И хорошо, что не сыromятым ремнем. Веревка – не так страшно.

Георгий с ходу попробовал высвободиться из пут – бесполезно. Тогда он свел локти еще ближе, веревка чуть-чуть ослабла. Встал и попытался разнообразными движениями плеч, лопаток, всего туловища прослабить мертвую хватку египетского узла. Наконец сумел стронуть одну руку, потом другую, и вскоре путы спали. Какое-то время Георгий отдыхал, наслаждаясь свободой.

Через полчаса он почувствовал себя вполне жизнеспособным. Сгоряча попытался плечом открыть дверь, но та даже не шевельнулась. Пару раз изо всей силы ударил по ней ногой. Звук был глухой. «Дело глухо», – подумал он. Прислушался. Охранника, по-видимому, не было.

Обследовав помещение, не нашел в нем ничего, кроме пучка соломы в углу. Помещение было небольшое, без печи и без окон, предназначенное, скорее всего, для хозяйственных нужд. «Тут должен быть подпол», – решил Георгий и стал шаг за шагом простукивать пол. Так и есть, вот он. Не путь на свободу, а вдруг? Если о нем эти не знают, можно и переждать. Нашупав достаточно узкую щель, в которую, однако, проникли его тонкие пальцы, Георгий подцепил и потянул на себя тяжелую крышку. Крышка была хорошо пригнана к полу и, скорей всего, не была видна даже при дневном освещении.

Послышались голоса, шаги, стали возиться с дверью.

Георгий прыгнул в подпол, он был не больше двух метров в глубину, и закрыл за собой крышку. Сразу же стало глухо и затхло. Пахло кислой землей и плесенью. Георгий застыл на месте. Над ним топтались два или три человека. Звуки шагов и голоса то усиливались, то ослабевали. Кто-то стал кричать, потом шаги и голоса проследовали к выходу, и вскоре всё стихло.

Георгий, простояв в неподвижности с четверть часа, решился, наконец, вытолкнуть крышку и выбраться из ямы. Крышка с трудом, но поддавалась. Георгий выбрался наверх и замер. Прямо перед ним на скрещенных ногах сидел человек и невозмутимо смотрел на него.

– Здравствуйте, – сказал Георгий и стал отряхивать брюки. Ему и в голову не пришло, что это может быть охранник.

Человек, весь в ореоле света, прикоснувшись рукой ко лбу и груди, слегка поклонился ему. Оружия при нем не было.

– Вы здесь ждете кого-то? – задал Георгий крайне идиотский вопрос.

– Вас, – ответил человек и легко поднялся на ноги. – Пойдемте.

Провожатый был среднего роста, коренастый и шел, не оглядываясь.

«Стукну сейчас по башке, и ищи меня», – подумал Суворов.

– Не стукнешь, – услышал он и вздрогнул от неожиданности.

– Не стукну, – зачем-то подтвердил он. Ему стало даже весело.

День разгорался. «Сколько же я провел тут часов?» – подумал Георгий. Ему казалось, что прошло очень много времени, но должно быть вроде как еще раннее утро. Они поднялись в одинокий дом, стоящий на небольшом возвышении. Да, вот они десять ступенек. Странно, но у Георгия не возникло мысли бежать отсюда, так как он совершенно не чувствовал опасности. «Надо же, – рассуждал он, – никакого инстинкта самосохранения. Хотя почему нет, напротив, очень даже явно выражен. Побегу я сейчас, и что? Один выстрел – и всё».

В комнате были Залесский и трое его приятелей. У капитана, несмотря на усталый вид, глубокие глаза блестели лихорадочным блеском.

– Садитесь, – пригласил Залесский за стол. – Приношу извинения за доставленное вам беспокойство и временные неудобства. Долго не задержу. Окажите любезность – передайте братцу записку. Пять минут... Потерпите? Вихров, чернила!

Залесский стремительным крупным почерком исписал страницу, не перечитывая, свернул ее вчетверо и протянул Георгию. Губы его были сжаты плотнее обычного.

– На словах можете передать Лавру Николаевичу... Надеюсь, вы застанете его в полном здравии. Так вот, передайте ему, что я вполне удовлетворен. Не полностью, а вполне. Прощайте, сударь. Надеюсь, Господь не сведет нас больше в подобных обстоятельствах. Кстати, вы первый, кто сам освободился от этого узла. Поздравляю. Вихров, проводи!

Георгий неожиданно для себя улыбнулся в ответ и заметил, что его улыбка пришлась Залесскому по душе. Спрятав в карман письмо, Суворов вышел. С крыльца был хорошо виден спуск к Куре. Значит, к дому Софьи идти надо вдоль берега, вон туда.

Георгий застал дом Софьи опустелым. Он не был разграблен, но, кажется, в нем перевернули всё вверх дном. Никого не было. Георгий ходил по комнатам первого этажа, рассеянно отмечая следы некоей системы. Тут определено что-то искали, и искали заведомо известную вещь. Их интересовала только она. Он поднялся на второй этаж и вошел в комнату, где брат прятал шкатулку. Под диваном ее не оказалось. В этой комнате порядку было больше, чем в других. «Значит, нашли сразу», – решил Георгий и в задумчивости опустился на диван. Достал письмо Залесского, развернул его.

«Милостивый государь! У меня гостит сейчас Ваш брат. Только что пробило девять часов, и я всё утро решал, как поступить с ним. Но, знаете ли, он мне решительно нравится. В нем нет Вашей безумной отчаянности. Она, разумеется, производит впечатление на дам, но военному человеку от нее можно сойти с ума. Он наивен, он чище Вас, он чист как алмаз – пусть живет. Надеюсь (люблю это слово), надеюсь, что его скорое возвращение как-то компенсирует Ваши утраты. Впрочем, что они, когда в руках у Вас, мой друг, несравненный перл, сама богиня византийско-колхидской мудрости, хотя и с тюркским корнем – джан? Надеюсь, мудрости этой Вам хватит, чтобы оставить меня в покое и не тревожить по пустякам. Мой Вам совет: не ищите меня, ибо я, как ветер в поле, гуляю, где хочу. Полагаю, Вы, как суровый

потомок генералиссимуса, окажете такую милость ветреному потомку литовского дворянина с русскими корнями? Остаюсь преданным Вам и прочее, капитан Залесский, граф».

Подписи и даты не было. «Какой же я дурак, – подумал Георгий. – Чистейшей воды дурак!»

VIII

Георгий очнулся, в комнате был полумрак. Он лежал на диване, на котором после бессонной ночи и всех приключений проспал весь день. Ему приснился какой-то сон, но он выскользнул из памяти, а с ним и что-то важное, что-то...нет, не вспомнить.

Георгий со свечой в руке обследовал весь дом. Окно в комнате, где обычно спал брат, зияло пустотой, на полу валялись стекла, щепки от притолоки, на подоконнике бурела высохшая кровь. В дереве застряла пуля. Значит, Лавр спасся, а с ним ушла и Софья. Неужели она тоже спрыгнула отсюда? Георгий перегнулся через подоконник – на земле что-то темнело. Он спрыгнул вниз, поднял пистолет. Это был маузер с полным магазином патронов. Скорее всего, запасной пистолет Лавра, отдававшего предпочтение нагану.

В доме осталось много еды и питья. Георгий пообедал и расположился на диване, под которым брат прятал шкатулку. «У нас самое надежное место – карман или пазуха. Вот тебе и пазуха», – вздохнул он и приложился к горлышку бутылки, которую захватил с собой.

Из соседней угловой комнаты донесся странный звук, вроде как растворили окно, расколов при этом стекло. Георгий хорошо помнил, что там окно было открыто, а пол усыпан осколками стекла. Он встал с дивана, взял в руку маузер и направился в соседнюю комнату.

Комнату заливал лунный свет. На ветру трепетали просвечиваемые насквозь луной занавески. Никого в комнате не было, хотя не оставляло ощущение, что только что кто-то побывал здесь. Этот кто-то угадывался на уровне инстинкта. Суворов быстро оглянулся, ему показалось, что за дверь скользнула тень.

– Стой! – крикнул Георгий и выскочил за дверь. Сердце его страшно колотилось. Никого. «Нервишки сдают», – подумал он и, собрав волю, вернулся в угловую комнату и подошел к окну. Глядя на синий простор ночи, он успокоился. Вдали мелькали какие-то тени, но он не придавал им никакого значения. «Что тени, – подумал он, – надо остерегаться людей».

Нет, там были люди! Два силуэта вышли на дорогу и стали удаляться по ней под гору. Георгий опять спрыгнул на землю и поспешил за ночными прохожими.

Он потерял их из виду, но безотчетно следовал каким-то маршрутом. Ноги сами несли его. Внизу зашумела река, он спустился к воде и увидел в отдалении две фигуры. Они стояли в воде, и вроде как умывались. Во всяком случае, наклонялись к свинцовой воде и погружали в нее руки. Изредка перебрасывались словами. До слуха донеслось слово «брат». Русские. Он стал пробираться ближе к ним, сделал круг, но их на месте уже не застал.

Опять наугад выскочил на дорогу и вскоре увидел их. Когда подошел к ним ближе, они свернули к дому, поднялись на крыльцо и постучали в дверь. Никто не открывал. Постучали еще. Дверь открылась, появился мужчина размером с дверной проем, с керосиновой лампой в руке, осветил гостей...Это был Лавр с Софьей!

– Лавр! – закричал Георгий. – Лавр!

Он вскочил с дивана, и ошалело уставился на стену с покосившейся картиной. Надо же, уснул. И тут он вспомнил, что именно этот сон видел днем. Точно так же увидел две тени, выпрыгнул из окна, устремился за ними вдогонку, нагнал возле реки, потерял из виду, снова нагнал возле дома, так же закричал: «Лавр!» Нет, он тогда закричал не Лавр, он тогда закричал: «Софья!»

Приближался рассвет. Там, где должно было взойти солнце, небо стало окрашиваться в голубовато-морковный цвет. Дома и деревья вдруг почернели, точно вырезанные из угля. Георгий спрыгнул в третий раз на землю. Но теперь он взглянул вверх, поднял камень и швырнул его в окно. Камень, звякнув, упал в комнате на пол. «Не снится», – подумал Георгий и сильно дернул себя за мочку уха. Не глядя по сторонам, он отдался воле ног, которые привели к тому

самому месту, где он увидел брата с Софьей, а затем уже по памяти (его не оставляло чувство необычайности происходящего) он вышел к дому с высоким крыльцом.

Остановившись возле дома, Георгий с трудом перевел дыхание. «Надо же, всю дорогу бежал, и бежал со всех ног, сердце вон едва не зашло. Во рту пересохло. Неужели я нашел их? Господи, неужели нашел?»

Поднялся на крыльцо (здесь семь ступенек) и постучал. Никто не отозвался. Постучал в другой раз. Дверь открылась внезапно, в дверях стоял громадный, как медведь, мужик с ружьем наперевес. Он направил на Георгия дуло. В это время за спиной Георгия раздался голос:

– Вахтанг, это мой брат.

Георгий оглянулся – Лавр с пистолетом. Из-за Вахтанга появилась Софья. Она кинулась Георгию на шею. Лавр хохотнул, похлопал брата по плечу, и все четверо зашли в дом.

– Ради бога, дайте воды, – были первые слова Георгия.

– Как ты нашел нас? – спросила Софья. – Ты ему говорил про этот дом?

– Я и сам только что узнал про него, – ответил Лавр.

– Как ты нашел нас? – допытывалась Софья.

– Сам не знаю, – в смущении ответил Георгий. – Приснилось, и пошел.

Он рассказал им свой двойной сон.

– Это удивительно, – сказала Софья. – Странно, что ты его увидел дважды.

– Если б не дважды, я бы и внимания на него, может быть, не обратил. А то кряду! – воскликнул Георгий.

– Это Господь, – сказала Софья.

Лавр хохотнул, судорожнее, чем обычно.

– Он. Он, – подтвердил он.

Вахтанг в задумчивости вышел и через несколько минут пришел вместе с женой.

– Вера вот говорит, что такой сон бывает, когда человек очень сильно любит кого-то. Ты, как видно, очень сильно любишь своего брата, – сказал он, насупив брови.

Лавр вздохнул и поглядел на Софью.

– У него двойной сон, – заметил он.

За завтраком Георгий узнал о том, что прошлой ночью Залесский с приспешниками напал на Лавра. Лавр был ранен в плечо, но, слава Богу, не смертельно, кость не задета. Им с Софьей удалось убежать, но шкатулка похищена. Сам Георгий поведал о своем кратковременном заточении. О Залесском и его письме Георгий при всех решил не рассказывать, зато во всех подробностях рассказал о своих приключениях, слегка присочинив о побеге из сарая.

– Это Залесский! Его почерк! – то и дело восклицал Лавр, хотя тут же осаживал себя: – Эту бы весточку да вчера! Я бы его, мерзавца, тепленьким взял! Сейчас ищи его. Найду, непременно найду. Это дело чести. Это дело семейной чести, чести Суворовых! – глаза Лавра налились кровью.

Вахтанг, глядя на него, тоже засопел. Брови его стали в два раза гуще.

– Разве не Бахметьевых? – сняла накал Софья. Все рассмеялись.

После завтрака Лавр попросил оставить их с Георгием наедине и спросил:

– Я знаю, это он. Покажи мне то место.

Георгий начертил на бумаге путь от того места до дома Софьи.

– Если напрямик, вот так, это не так уж и далеко отсюда, – сказал Лавр. – Наверняка должны остаться следы. Мне показалось, Жорж, что ты очень уж подробно рассказал про свой побег. Что-то тут не так? Перебор, милый. Раскалывайся. Залесского видел?

– Видел, – сознался Георгий и протянул брату письмо.

Тот прочитал его, хохотнул и, сложив вчетверо, опустил в карман.

– Благодарю, Жорж. Вот это, поистине, неоценимый факт. Теперь я точно знаю: шкатулка у него. Ну а про перл я поговорю с ним особо, при встрече. Прощай, брат. Если найду шкатулку, свидимся. А нет, так нет.

– Я с тобой, Лавр.

– Брось, Георгий. Тебе не хватало марафты в нашем дерьме. Один управлюсь.

– Их там четверо. Даже пятеро. Один азиат – мысли читает.

– Анвар? Знаю. Он-то мне и поможет. Прощай.

– У меня твой пистолет, – Георгий достал маузер.

– Вот как? Где нашел? Ну да ладно, оружие негоже терять, это не дамские побрякушки.

Лавр обнял Георгия, поцеловал его и выскочил в окно. Георгий едва сдержал себя, чтобы тут же не выскочить следом. «Пойду через пять минут», – решил он. Спустя минуту он посмотрел в окно. Зашла Софья, быстро подошла к окну.

– Где Лавр? – спросила она. – Это он на повороте? Пошли!

– Я ему вернул пистолет.

– Ружье возьмем.

– А Вахтанга?

– Нет, брата нельзя, он за версту начнет реветь и палить.

Софья дала Георгию ружье, сама взяла кинжал, обернув его большим платком. Они вылезли в окно и направились к дому на окраине города.

– Какой он безрассудный! Весь горит, рана-то страшная! – досадовала Софья.

Георгий отмалчивался. Он соображал, как незаметнее подойти к дому.

Стало темнеть. Никто не встретился по дороге. Очень скоро они оказались на том самом месте: справа дом на возвышении, а слева, через дорогу, хозяйственные постройки, где удерживали Георгия. Как ни спешили, Лавра догнать не удалось. Провалился как сквозь землю. Оставив Софью под акацией, Георгий осторожно приблизился к дому. Ни звука. Поднялся на крыльцо, открыл дверь, зашел.

– Никого? ! – Георгия поразило отчаяние в голосе Софьи.

– Никого.

– А там? – указала Софья на постройки. – Пошли, посмотрим.

Дверь в пристройку была открыта, в самом помещении пусто. Георгий потоптался, решил взглянуть, нет ли кого в яме. Подцепил крышку и приподнял ее. Осторожно заглянув в яму, крикнул:

– Есть кто?

– Что-то шевелится, – сказала Софья, вцепившись Георгию в рукав. – погоди.

Она нашла жердь, Георгий пошарил ею в яме. Из ямы донесся стон.

– Кто ты? Отвечай! – крикнул Георгий. – Буду стрелять!

– Георгий? – неожиданно прозвучало снизу. – Это Анвар.

– Это знакомый Лавра, – сказал Георгий. – Дай-ка кинжал.

Он спустился в яму, едва не наступив на связанного Анвара. Разрезал веревку.

– Кто это такой мастак вязать узлы?

– Кто же? – хмыкнул Анвар. – Капитан.

– Чего это он так с тобой?

– Не понравилось ему, когда я ему его же мысли сказал.

– Вы чего там, зимовать решили? – крикнула сверху Софья.

Она помогла им выбраться из ямы и ушла в дом в поисках еды. Анвар сел на скамейку возле сарая и стал разминать руки и ноги.

– Давно он ушел? – спросил Георгий.

– Вчера.

– А тебя что, вот так и оставил?

– Вот так и оставил. Мог бы и хуже оставить. Пожалел в последний момент. Подумал, если кто из моей родни найдет мой труп, ему несдобровать. Правильно подумал. Но сделал неправильно.

– Шкатулка у него?

– У него. Глупый человек. Чужое добро только укорачивает век. Благодарю тебя, ты мне теперь побратим. Лавр мне побратим. И ты побратим.

– С Лавром давно знакомы?

– С германской. Друг без друга нам не жить.

– А что ж ты не помог ему сейчас?

– Я капитану дал слово помочь ему в деле. Откуда я знал, что эта шкатулка Лавра? Я исправлю свою ошибку.

– Как? Ты знаешь, где Залесский?

– Конечно, знаю. Катит в Питер. Там у него дела. А потом за кордон.

Из дома вышла Софья и позвала мужчин ужинать. На столе их поджидало вино, овощи, полкружка сыра, хлеб.

– Капитан впопыхах забыл свой любимый сыр, – заметил Анвар. – Вы ведь Софья? О вас я знаю много хорошего.

– Надо же, в этой кутерьме даже не познакомились друг с другом! – засмеялась Софья и тут же помрачнела.

– Лавр тоже едет в Питер, – сказал Анвар.

– Георгий, ты будешь сопровождать меня? – решительно спросила Софья.

– Хоть на край земли! – вырвалось у Георгия.

– Я покажу, где край земли, – пообещал Анвар.

IX

Елена сидела перед окном и глядела во двор. Двор застыл осенним серым квадратом и напоминал старика. Тополя, потеряв листву, стали безжалостно одинокими. Серая и красная крыши двух домов напротив отпугивали самым цветом своим – на них не садились даже птицы. Елене так хотелось еще хоть раз увидеть Николая. Когда уколы перестали снимать ему боль, он стал жалеть, что не живописец.

– Я бы сейчас писал этот вид из окна во множестве вариаций, – говорил он. – Во все времена года и при любой погоде. Для этого достаточно вон тех деревьев да пары крыш, выше которых только небо...

Сегодня у нее выдался печальный вечер. Всё валилось из рук. Ничего не хотелось делать. Выпить хотелось. Елена выпила водки и залезла в кресло с ногами.

Вспомнились вдруг далекий, какой-то нереальный семейный вечер, когда ее отец с матерью впервые пришли в гости к сватам. Прикатили из пригорода. Как она тогда переживала за их простоту. Как волновалась, произведут ли они на Суворовых должное впечатление или не произведут. Ей было стыдно и неловко за их лица, за их безыскусную речь, за образ их жизни, манеры, за их одежду... За сам факт их существования. «Какая же я была безмозглая дура! Что я так переживала? Будто эта встреча что-то могла изменить!»

Елена вздрогнула. Из окна противоположного дома на нее смотрел кто-то. Елене стало неприятно. Ей до того сильно захотелось, чтобы в том окне, отделенным от нее непреодолимым пространством двора и чужой жизни, появился Николай. Силуэтом, тенью, колыханием гардин...

– Милый ты мой, милый ты мой, – шептала она, – ты слышишь меня, ты слышишь меня?

– Слышу, – почувдилось ей.

Елена отдавала себе отчет, что не может слышать его голоса, но она слышала его! Она с отчаянием вперила взор в то окно. Он должен появиться там. Должен!

Николай появился в окне и помахал ей рукой.

Она перестала видеть двор, дома, то окно... Всё вдруг поплыло у нее перед глазами...

– А вот и край земли, – сказал Анвар, указывая на Неву. – За ним для нас земли нет.

– А почему ж ее все там ищут? – спросила Софья.

– Это надо у них спрашивать.

– Где же нам искать его? – Георгий вертел головой, соображая, к кому мог завернуть на постой или нагрянуть в гости брат. У Лавра знакомых полгорода.

– Надо достать городскую карту и на ней отметить вероятные места его нахождения, – предложила Софья.

Дореволюционную карту Георгий нашел у дальнего родственника, к которому заглянул на минуту, перепугав его насмерть.

– Я думал, вы того...

– Умер, что ли, Алексей Федорович?

– Типун вам на язык! Я думал, вы уже там. В Бразилии или Австралии, не помню уж, куда там собирался ваш брат.

– Скучно там. Одни австралопитеки. Лавр, кстати, не заходил?

На лице Алексея Федоровича отразилось, что Лавр очень кстати не заходил к нему.

– Я верну карту через неделю-другую.

– Не надо, не надо! – с умоляющим видом произнес дальний родственник.

«Сколько же сейчас порушилось родственных связей, – подумал Георгий. – Ради чего?»

За чаем они решили, что поиски надо вести не более трех дней, поскольку через три дня искать будет некого. Залесский дольше не задержится, а Лавру без него тут тоже делать нечего.

– Я его найду завтра, – пообещал Анвар. – Мне только надо в четыре утра сосредоточиться. Только чтоб мне никто не мешал. По меньшей мере часа два.

Софья восторженно посмотрела на Анвара. Георгию захотелось тоже заслужить такой взгляд, и он сказал:

– А я найду Залесского.

Анвар улыбнулся, а Софья испуганно посмотрела на Суворова.

– Жаль, что здесь всего две комнаты, – сказала Софья. – Мы с Георгием будем в этой проходной, а вы, Анвар, занимайте ту маленькую. Мы вас не побеспокоим.

У Георгия застучала кровь в висках и смешались мысли. Анвар похлопал его по руке.

– Хорошо, – сказал он. – Быть посему. Пора спать. Через полчаса отбой.

– Располагаемся валиетиком, – скомандовала Софья, расстилая постель, – тебе подушку большую, мне маленькую. Выйди, сначала лягу я.

Георгий постучал и зашел в комнату к Анвару. Тот сидел у открытого окна.

– Свежо у тебя. Не простынешь?

– Было бы интересно, – не оборачиваясь, ответил Анвар. – В последний раз я простыл в семь лет. В прорубь упал. Долго выбирался. Вот посмотри, – обернулся Анвар, – видишь ночь?

– Вижу, – ответил Георгий.

Он подождал разъяснений, но не дождался. Через пару минут он вздохнул и сказал:

– Я пошел. Красивая ночь.

– Красивая. Доброй ночи, – не оборачиваясь, сказал Анвар.

– Как он там? Смотрит в окно?

– Да. А ты откуда знаешь?

– Лавр рассказывал. Говорил, у Анвара одна возлюбленная – ночь.

– Это он тебе когда рассказывал?

– Тогда! – рассмеялась Софья. – Ложись. Туда головой. Осторожней, тут я.

Георгий вытянулся на самом краю постели. Он ощущал себя подростком, в первый раз оказавшимся рядом с женщиной. Ему тогда не было еще и четырнадцати. Он также вот лег на самый край постели, вытянулся, как струнка, и затаил дыхание. Юлия колдовала возле зеркала, поглядывала на него (он чувствовал это) и мурлыкала популярный мотивчик. Жорж (его тогда впервые так назвала женщина) ощущал, как на него поочередно накатывают волны то жара, то озноба, то робости, то необычайного восторга... А потом от зеркала пошла волна, наполненная теплом, мягкостью и светом, она накрыла его, пленительная волна забвения... Георгий понял, что сжимает руку Софьи. Его охватила дрожь, как тогда с Юлией. Софья села, наклонилась к нему, легонько прикоснулась своими губами к его губам и сказала:

– Георгий, я всё еще его.

Георгий не мог уснуть до утра и чувствовал, что Софья тоже не спит, но нарушить ночное молчание хоть одним словом или движением он считал святотатством. Он слышал, как в соседней комнате поднялся Анвар, открыл окно, на цыпочках прошел туда-сюда через их комнату, расположился, по всей видимости, напротив окна, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, очевидно, делая какие-то гимнастические упражнения. Потом в его комнате всё затихло. Георгий задремал. Часов в шесть утра Георгий услышал шепот:

– Я благодарна тебе, Георгий.

Георгию, как умудренному жизнью человеку, стало ясно в этот момент, что он находится на седьмом небе. Умиление и восторг бывают только там, где же еще?

Не взглянув на них, на цыпочках прошел Анвар.

– Анвар, – окликнула его Софья. – Мы не спим.

– Я нашел его, – сказал Анвар.

– Как? – изумился Георгий.

– Молча. Как собака. Я ж говорил, мы с ним в обнимку дважды ушли от смерти, а уж в жизни друг друга не потеряем.

Х

Когда вернулись из свадебного путешествия, Елена думала, что вечером это дело как-то отметится. Настал вечер, но движений никаких. Елене показалась странной атмосфера всеобщей занятости. Георгий Николаевич весь в своих неустанных трудах, а вот Надежда Алексеевна, хоть и не в трудах, но вид у нее такой, что не подступись. Николай же, и вовсе как не муж, сел на диван и часа два задумчиво листал философский справочник.

– Соскучился по книгам, – сообщил он ей радостную весть.

– Может, отметим как-то? – робко спросила Елена.

– Что? – Николай отложил справочник.

– Ну, наш приезд...и вообще...

– Это излишне. В нашей семье отмечают семь дней: Новый год, Пасха с Рождеством, День Победы да три дня рождения. Теперь будет четыре.

– А Первое мая, Женский день? – недоуменно спросила Елена. – Вся страна отмечает.

– Вот и хорошо, что вся страна отмечает. Нам тогда зачем?

– Ты словно и в комсомоле не был.

– Не был. Это важно для семейной жизни?

– Нет, – неуверенно ответила Елена. – А как же тебя тогда на кафедре оставили?

– Суворовых не оставляют, Суворовы остаются сами, – монотонно произнес Николай.

– Может, еще скажешь, что и Георгий Николаевич беспартийный?

– Скажу, – засмеялся Николай. – Не жена, а отдел кадров!

– А жена и есть отдел кадров, чтоб ты знал.

– Хорошо, раз ты заняла такой ответственный пост, надо это дело как-то отметить.

Николай пошел к отцу, и они вдвоем осадили мать. В зале стол накрывать не стали, но и на кухне сойдет, для начала. Елена торжествовала: это была ее первая маленькая победа. Коньяк три звездочки, колбаса, сыр, шпроты, яблоки – джентльменский набор стола заказов советской интеллигенции – что еще надо?

– Какой у Лёли чудный голос, – Георгий Николаевич начал свой тост так. – Правда?

Николай кивнул головой. Надежда Алексеевна держала в воздухе рюмку.

– Какой у человека голос, такой и он сам. Помните актрису Марию Бабанову? Пьесу «Таня»? Вот голос! Я знал людей прекрасных душой, у которых был замечательный голос.

Надежда Алексеевна опустила рюмку на стол.

– И мне кажется, среди нас ваш голос, Лёля, самый чистый, самый звонкий и самый красивый. Так что вам в нашей семье и запевать. *Prosit*.

– И самый молодой, – добавила Надежда Алексеевна.

– Да, и самый молодой! – обрадовался Георгий Николаевич, но, взглянув на жену, несколько помрачнел.

Елена поддержала тост свекра:

– Если продолжить, Георгий Николаевич, вашу мысль, в хоре (а семья – это хор) важны также слаженность, темп, художественный вкус, а это зависит в первую очередь от хормейстера. Я в вашей...в нашей семье сегодня фактически первый день и мне кажется, что у нее есть прекрасный дирижер. За вас, Надежда Алексеевна.

Надежда Алексеевна от неожиданности выпила свою рюмку, не чокнувшись ни с кем. Георгий Николаевич иронично улыбнулся и чокнулся своей рюмкой с рюмкой невестки и сына, а потом прикоснулся к пустой рюмке жены:

– Свекровь от здравицы никак не оправится, – заметил он. – Надежда Алексеевна, вам повторить?

После ужина, довольно непринужденного, Надежда Алексеевна, как истый дирижер, предложила Елене на правах запевалы убрать со стола, а Николаю выбросить мусор. Георгий Николаевич в приятном расположении духа ушел за свой стол, где стал несколько иронично, под слегка изменившимся градусом, смотреть на то, что написал два часа назад. Надежда Алексеевна уселась перед телевизором. Она не пропускала никаких новостей.

Когда Елена управилась с посудой, Георгий Николаевич позвал ее и сына к себе.

– Хочу показать вам портрет одной моей хорошей знакомой. Она была любовницей Лавра, моего брата. Он погиб в двадцать первом. Так у нее, Лёля, голос, не поверите, один к одному ваш. И тембр, и высота, и окраска. И смеетесь вы как две сестры.

– У меня сестры нет, только братья, – засмеялась Елена.

– Вот, пожалуйста. Фотопортрет.

Елена с любопытством стала рассматривать старую фотографию, на которой была выхвачена навеки из унесшегося непонятно куда потока времени черноглазая красавица с красиво изогнутым тонким носом. Но какие печальные глаза! У Георгия Николаевича потеплел взгляд, а на лице появилась легкая грусть. «Сейчас появится Надежда Алексеевна», – подумала Елена.

– Фотографию всё показываешь? – зашла в кабинет свекровь. – Папанову народного артиста СССР дали.

– Ему не дали, – пояснил Георгий Николаевич. – Он его сам получил.

«Вот оно откуда: Суворовых не оставляют, Суворовы остаются сами», – подумала Елена и положила руку на плечо Николаю.

В первый же вечер по возвращении молодых из свадебного путешествия положение гувернантки-француженки Жаннет стало двусмысленным, и она исчезла через два дня, а обязанности гувернантки были переложены на домработницу Евгению Петровну. Через пару месяцев под тем предлогом, что теперь женщин в доме хватает, Надежда Алексеевна рассталась и с Евгенией Петровной, к которой и Георгий Николаевич, и Николай привыкли как к родному человеку. Когда вечером они поинтересовались, где Евгения Петровна, Надежда Алексеевна ответила, что теперь придется жить без домработницы, так как та слишком слаба, чтобы вести хозяйство. «Пора ей на покой», – сказала она. Все обязанности Евгении Петровны свекровь свалила на плечи Елены, оставив себе стратегию, маршальский жезл свекровей.

Разумеется, Надежде Алексеевне домашнее хозяйство доставляло тоже немало хлопот, но она ни разу не попросила мужа помочь ей в чем-либо. Николай же положительно не знал слов «домашние дела», поскольку в эстетике, которой он посвятил жизнь, их просто не было.

Елене было не привыкать управляться с хозяйством. У Гусевых оно было тоже не малое. Но вот чистить зубным порошком столовое серебро, которым пользовалось семейство Суворовых, и отстирывать и крахмалить кружевные салфеточки, которые лежали везде, как листья в осеннем саду, было ей горше пареной редьки. Тем не менее она предложила как-то:

– Хотите, Надежда Алексеевна, я сошью и вышью новые салфетки?

– Новые? – спросила свекровь. – Да и эти еще не старые. Этим салфеткам, Елена, скоро шестьдесят лет, а они переживут еще и нас. Не надо новых. Старых достаточно. Займитесь лучше столовым серебром. На двух вилках третий зубчик почернел, – в этой реплике главным было «займитесь»: множественное число снох означало крайнюю степень недовольства снохой единственной. – Да, пока не забыла, – вспомнила свекровь. – Николенька, наверное, запамтовал. В нашем доме заведен определенный порядок. Мы одна семья, *protanto*, единая касса.

XI

Подъехали к гостинице «Англетер».

– Откуда у него деньги? – спросила Софья. – Он ничего не взял из шкатулки.

– Деньги для него не проблема, – сказал Анвар.

Георгий счел нужным уточнить необычный оборот речи.

– Деньги сами идут к нему, – сказал он. – Может, потому, что он их не любит.

Софья задумчиво посмотрела на Георгия.

– У меня есть кое-какие средства, – сказала она, думая о другом. – На первое время.

– Деньги не женское дело, – отрезал Анвар.

Георгий едва не испортил дело, когда справился о том, какой номер занимает Суворов.

– Такого не значится, – ответили ему.

– Нету, – озадаченно сказал он, глядя на Анвара.

– Есть, – заверил тот.

– Да как есть? – вскинулся Георгий, и тут его пронзило: Бахметьев! Надо спросить Бахметьева.

– Софья, мне негоже во второй раз подходить. Спроси Бахметьева.

«Бахметьев», скорее всего, еще спал. Пришлось стучать в дверь несколько раз.

– Надеюсь, он без барышни, – сказала Софья. Было заметно, что ее озадачила эта заминка.

Дверь открылась, на пороге появился заспанный Суворов. В мятых брюках, белой рубашке с пятном на груди, правая рука за спиной. Софья шагнула к нему и, обняв за шею, прижалась к нему. Георгий с Анваром прошли в апартаменты. Постель была не разостлана. Лавр спал прямо на покрывале, не раздеваясь. На полу стояла пустая бутылка.

– Опять пил из горлышка? Гусар! – воскликнула Софья. Лицо ее, впервые за последние дни, осветилось светом сильного чувства, глаза были наполнены радостью.

Георгий вздохнул. Разумеется, он знал образцы мировой литературы, посвященные любви, но был уверен, что ни в одном романе, ни в одной поэме, ни в одном научном трактате нет и сотой доли того, что он чувствовал, когда смотрел с благоговением на любовницу своего брата. Его охватывало умиление от одной только мысли, что он может просто смотреть на нее, слышать ее голос, оказывать ей мелкие услуги, отдать жизнь за нее. Не иначе Георгий Николаевич Суворов шагнул в двадцатые годы двадцатого столетия прямо из раннего средневековья, не удосужившись снять с себя рыцарский костюм, из загадочной и непредсказуемой Франции в не менее загадочную и непредсказуемую Россию.

Поиски Залесского ничего не дали, сам Залесский тоже никак не проявился. На квартире младшего брата Залесского, Владислава, его не видели. Анвар добросовестно опросил всех в округе. самого Владислава дома тоже не оказалось, дверь открыла какая-то женщина с претензией на светскость.

– Какая-то странная гражданка, – задумчиво произнес Анвар. – Не простых кровей. Мне показалось, она знает, где капитан.

Из знакомых никто его не видел и ничего не слышал о нем. «Странно, – думал Лавр, – даже обычных сплетен нет. Точно где-то здесь. Конспиратор!» Однако спустя три дня ничего не изменилось. В полночь Лавр откупорил шампанское и решительно заявил:

– Что ж, Австралия подождет! Нехай поднимут свой уровень жизни до нашего, – он вынул из портмоне два билета и пригласил Софью на завтра в театр: – Айн, цвай – хватит тайн. Хотя Мольер это тоже тайна. Жаль, нет украшения на вашу шейку, сударыня. В лавке у Циммермана всё такое странное. Нет, к Жан-Батисту нельзя идти в фальшивках. Стразы – это комедия почище самого Мольера.

– У кого нет, а у кого и есть, – Софья достала кольцо и приложила к себе. – Простовато несколько. Ну да нынче простота в моде.

– Так же, как всякий вздор, – заметил Лавр.

– Мужчинам лучше знать, – Софья чувствовала себя легко и радостно.

– Я знал, что ты красавица, – сказал Лавр. – Но ты, оказывается, еще и умница.

Так, шутя и бросая друг на друга взгляды, не омраченные никакой заботой, они на следующий день направились в театр. Направились вдвоем, так как Георгий с Анваром должны были вернуться из пригорода ближе к ночи. Они вчера поехали в Царское Село (Детское!) к другу Анвара. Скорее всего, их поиски тоже будут безуспешны.

В тот роковой вечер Лавр и Софья выглядели безупречно. Ими нельзя было не залюбоваться. Когда они спустились в холл гостиницы, постояли там пару минут и вышли на улицу, у многих бездельников отвисла челюсть.

В театре сразу же бросилось в глаза, что публика стала иной. Как и буфеты. На самом деле, простота если и не была еще в моде, то уже входила. «Ладно, – подумал Суворов, – искусство-то не должно свестись до уровня бутербродов? Во всяком случае, этого не позволит сам господин де Мольер».

– Я смотрю, Софи, на твои стекляшки многие посматривают даже снисходительно. В них нет того блеска, как у этой полной брюнетки. Их у нее хватит на целую люстру. Вот оно, славное время, когда стразы стали дороже бриллиантов.

– Да, мы упустили наше время.

– Наше время впереди, – сказал Лавр и вдруг осекся. Побледнев, он глядел на ложу слева. Там сидел Залесский с дамой в вызывающе красном платье.

– А вот и цацки, – сказал он, откинувшись в кресле. – Чего будем делать? Встать? Заметит. Уйдет. Точно уйдет. Подстрелить его прямо отсюда? Позор! Не знаю, Соня, не знаю, что и делать.

– Подождем, пока погаснет свет, – шепнула Софья, прикрывая собой Суворова. Тот возбужденно постукивал левой рукой по подлокотнику, морщась, каждый раз от боли в плече. Софья прикрыла его руку своей и улыбнулась. Лавр поцеловал ей руку.

– Надо выйти, как только погаснет свет, но еще не зажгутся прожектора, – шепнул он ей. – Хорошо, тут всего два кресла и сразу выход.

Свет стал гаснуть. Лавр извинился перед соседями, встал и вышел. Софья следом. Когда зажглись прожектора, они уже были в фойе.

– Как ты думаешь, заметил?

– Давай пойдем туда, к его ложе, – предложила Софья и тут же пожалела об этом – Лавр тут же поспешил по коридору к ломам бенуар. Софья едва поспевала за ним.

– Лавр, Лавр! – громким шепотом окликала она его. – Я на каблуках!

Лавр убегал вперед на три метра, возвращался, делал круг вокруг Софьи, снова убегал.

– Ты, как самец фламинго, – прыснула Софья. – В брачном танце.

Лавр оторопело посмотрел на нее и неожиданно громко рассмеялся. Он смеялся взхлеб и даже сел на банкетку под портретами артистов. Софья тоже заразилась его смехом.

– Тише, товарищи! – обратилась к ним благообразная почтенного возраста дама в дореволюционном наряде. – Господа, ведите себя в рамках приличий. Идет спектакль.

Лавр поднял голову, вытер слезы кулаком и попробовал изобразить на лице печаль.

– Лавр! Ты? – воскликнула оглядываясь дама. – Боже мой!

Суворов вскочил, поклонился и поцеловал ей руку.

– Виноват, Адалия Львовна, это я после буфета. Рад нашей встрече. Разрешите представить: моя жена Софья Левоновна. Софи, это моя тетушка по линии матушки.

– Поздравляю, голубчик, одумался. И вас поздравляю, Софья Левоновна. Можно Софи? Левон – это же Лев? Мы с вами обе царские дочери. Поздравляю. Это ваша большая победа.

- Тетушка! – прижал руку к сердцу Лавр.
- Он тут много разбил сердец. Впрочем, разбиваются сердца большей частью пустые.
- Адалия Львовна в своем амплуа, – пояснил Лавр Софье. – Что же, по-вашему, я охотник до пустышек?
- Я этого не говорила. Это ты сам сказал. А что не в зале?
- А вы? – спросил Лавр. – Опоздали?
- Я тут служу, племянник. Надо же как-то жить, не прислуживая. Хотя я не сегодня-завтра думаю заняться своим делом. Прэдринимательством.
- Простите, тетушка. Я как-то был далек от этой жизни.
- Привыкай, раз остался. И не кричи так громко, Лавр удивленно посмотрел на нее.
- Ты же направился в Австралию? Передумал?
- Дела не все завершил.
- В расспросах прошли полчаса. Адалия Львовна спохватилась.
- Сейчас будет звонок. Я должна стоять возле своих дверей. Вот никогда не думала, что на старости лет уподоблюсь привратнику. Придворная дама – еще куда ни шло!
- У нас тут тоже небольшое дельце. Приходите в «Англетер». Обязательно!
- Надо спросить Бахметьева, – сказала Софья.
- Я знаю, – ответила Адалия Львовна. – Я же ему помогала с документами. А вы, Софья Леоновна, тоже Бахметьева?
- Нет, – ответила Софья, взглянув на Лавра. – Я Суворова.
- Адалия Львовна осталась довольна. Лавр вдруг спохватился:
- Тетушка, вы побеседуйте пока с Софи, а я сейчас.
- Софья сделала порывистое движение к нему, но он вложил ее руку в руку тетушки.
- Вам есть, о чем поговорить.
- Прозвенел звонок. Публика повалила в буфеты. Лавр зашел в ложу. В ложе на троих была одна только дама. Странно, она была совсем не во вкусе Залесского: полные белые плечи и архитектура из белых волос на фоне красного платья били по глазам. Дама удивленно взглянула на Лавра. Суворов поклонился ей и хотел выйти, но тут из-за портьеры голос Залесского тихо произнес:
- Без глупостей, Лавр. Сядь в кресло.
- Лавр оглянулся и весело сказал:
- Ладно, Серж, чего спрятался? Иди сюда.
- Он бухнулся рядом с дамой и поцеловал ей ручку.
- Вы очаровательны, – шепнул он. Дама часто задыхалась. – Садись, Серж!
- Из-за портьеры возник Залесский. Глаза его глубоко запали и под ними были мешки.
- Пить изволите неумеренно, капитан.
- Тебя не спросил.
- Такая встреча, а ты грубишь. В эпистолах ты галантнее. Я бы даже сказал, куртуазен.
- Даме, скорей всего, не приходилось ранее слышать столь учтивые фразы, и она вся раскраснелась, словно произнесла их невзначай сама.
- Вам это платье удивительно к лицу, – заметил Суворов.
- Хватит ерничать, – оборвал его Залесский. – Варвара, выйди. На тебе, сходи в буфет.
- А потом ступай домой.
- До встречи, сударыня, – Лавр на прощанье не преминул приложиться к ее полной ручке, потенциалом своим способной свести с ума любого мужчину при относительно наполненном кошельке.
- Где Софья? – резко спросил Залесский.
- А где шкатулка? – так же резко спросил его Лавр.

– Значит, всё на месте. У каждого свое, – удовлетворенно произнес капитан. – Это хорошо. Переговоры могут войти в фазу добросердечия и взаимопонимания. Где продолжим их? Условие помнишь? Передать друг другу искомое и тут же раствориться в пространстве. Не забыл?

– Не забыл. Adlocum. Пойдем в ресторан.

– Ты меня искал все эти дни? – насмешливо спросил Залесский.

Лавр промолчал.

– А я тут рядом был. В соседнем номере. А, ты мог не знать. Я же теперь Чичерин. Ближайший родственник Георгию Васильевичу. Можно сказать, отец родной. И тоже дипломат. Языки, знаете ли, здорово помогают. Такое иногда ляпнешь: Черчилль от зависти лопнет. Что молчишь? Мальчишку зачем-то в это дело втянул, своего джигита, Софью.

– Да никто их не втягивал. Сами нашли меня.

– Рассказывай, сами. Уж не твой ли брат? А, ну да, я забыл. Прощу прощения. Софи, тебя нашла Софи, от великой любви к тебе!

Лавр вспыхнул и сунул руку за пояс. В бок ему уперлось дуло пистолета Залесского.

– Зачем, Лавр? Так мы ни до чего не договоримся. А зачем тогда вообще весь этот сыр-бор? Поверь, она мне дороже твоих сокровищ. А тебе нет ничего дороже их. Ведь так? Так что обмен, как это по-купчески, взаимовыгодный.

– Пошли в ресторан! Ты тут, гляжу, ползая по кабакам. Молочные поросята еще есть?

– Вот это другое дело! Это по-нашему, по-гусарски! Айда, друг!

Лавр стряхнул его руку с плеча.

– Ой, извините, милсударь, запамятовал, плечико-то ваше бобо.

– Там в холле Софья, надо ей что-то сказать.

– Не надо. Мы втроем и пойдем.

– Нет, втроем мы не пойдем.

– Пойдем, – спокойно заявил Залесский. – Ты знаешь, Лавр, я с юности думал, кто из нас более жадный? Все-таки ты. Ты более жадный. Я вот могу без денег, а ты нет.

– Ну это вопрос.

– Вопрос. Пойдем. Где Софи?

Софья увидела, как из ложи вышли, мирно беседуя, Лавр и Залесский. Сердце ее безотчетно сжалось. Ей показалось, что третьей в их компании идет невидимая богиня Несчастья.

– Здравствуй, Сонечка, – Залесский приложился к ее руке. – Мы вот с Лавром решили посидеть в ресторации. Куда бы тебе хотелось пойти? Лавру Николаевичу захотелось отведать молочного пороса.

Софья взглянула на Лавра, тот отвел глаза.

– Порося так пороса, – бросила Софья и рассмеялась. – Что же ты, Серж, устроил нам такое представление?

– Да ради любимых глаз чего не сделаешь? – ответил тот.

Суворов молчал. Софья взяла его под руку и не ощутила встречного движения его руки.

– Гуляем! – скомандовала она.

XII

– А помнишь, Серж, – вскинулся вдруг Суворов, – помнишь тот восхитительный вечер на озере? Лодки, оркестр, шампанское. Уключины скрипят, весла плещут, женщины смеются, и вальс плывет, какой вальс плывет над озером... А какая была луна! Помнишь, посреди озера? Огромная, белая-белая. Как льдина. От нее озеро вышло из берегов. Мы еще погребли к ней, и ты пытался высадиться на нее и ухнул в воду.

– Да, Лавр. Ты тогда был влюблен в эту баронессу, как ее? Фон, фон...

– Ай! Баронесса и баронесса. Баронесса фон Фон. Нет, не помню такой. Их разве всех упомнишь? Я имею в виду баронесс... Озерко круглое-круглое. А луна всё ниже и ниже, всё ниже и ниже. Еще чуть-чуть опустилась она, и так и вписалась бы прямо в озеро. Или то мы на лодке качались, кружили и поднимались к луне?... Нет, озеро помню, луну помню, а баронессу – нет, не помню.

– Лавр, а что ты запомнишь из сегодняшнего вечера?

– Что? – вопрос Софьи застал Суворова врасплох. – Всё запомню.

И тут же вспомнил, как рядом с ним, согнувшись, бежал поручик Синцов и кричал сипло: «Убили, а? Убили ведь?» Он долго еще бежал, сгибаясь всё сильнее и сильнее, пока не рухнул, как подкошенный. Голова его была неестественно вывернута, и глаза судорожно хватались за оставляемый навеки мир. Лавр на секунду остановился над ним. «Взгляды умирающих остаются памятными на всю жизнь» – прочитал он потом в какой-то газете слова художника Верещагина.

– Всё – это поросенок с хреном? – спрашивала Софья.

– Да и хрен с ним, с этим поросенком! – обозлился Лавр. – Что ты хочешь от меня?

– Ничего. Боже упаси. Разве озеро и луна что-то хотели от тебя, когда запомнились тебе на всю жизнь? Я также ничего не хочу сверх того, что хотят луна и озеро.

– Для этого всего-то надо стать луной или озером, – Залесский задумчиво рассматривал бокал с вином на свет. – В принципе вот в этом бокале, ну не бурю, а луну организовать можно.

– Организуй, – сказала Софья.

– Пожалуйста, – Залесский крутанул бокал, и – удивительно – жидкость закрутилась в нем, и посередине возникло белое, мерцающее и переливающееся пятно, очень похожее на луну в озере. – А сейчас я изопью этот волшебный напиток.

– Угости, – попросила Софья и залпом осушила протянутый ей бокал.

После этого они выпили несколько бутылок шампанского и стали безрассудно веселыми.

– Это за шестьсот-то лет Ной напился один раз пьяным, и факт этот попал в Библию? – хохотал Лавр.

– Тогда вина хватало всем! – хохотал Залесский.

Им всем казалось, что земля сегодня празднует свой день рождения. Лавр послал нескольким столикам шампанское, а Залесский всем военным, находящимся в зале, ром, после чего оба стали заказывать цыган.

– Обязательно Варю! Без Вари не приезжайте!

Обещали доставить и цыган, и Варю к половине первого.

В разгар веселья, которое каждого из них могло свести с ума, Залесский вдруг вспомнил, как они с Лавром, еще будучи совсем сорванцами, украли у цыган двух коней.

– Вот это был номер, Лавр! А? Нет, Соня, ты представляешь, он на серой кобыле, я на вороном жеребце, с гиканьем удрали от самих цыган!

– Да, нас потом нашли, пригласили к барону. Сказали, барон хочет щедро наградить за то, что показали класс.

– Да-да, а мы, вот не было мозгов, согласились!

Софья как-то по-новому взглянула на своих спутников: это были незнакомцы! Вроде бы и те же самые, но что-то в них изменилось. Она рассеянно слушала Лавра и Сергея и ломала голову над тем, кто же изменился – они или она сама. Она проявила заинтересованность, улыбнулась и пару раз кивнула головой. «Она не слушает нас», – заметил Лавр, но ему уже было по большому счету всё равно. Ему хотелось отыграть эту партию (последнюю) у Залесского, и он сделал ставку ценою в собственную жизнь.

– Ты представляешь, Сонечка, пришли в табор...

«Какие они мальчишки, – думала Софья. – Господи, неужели у них всё – игра? Конечно же, игра! Иначе как объяснить то, что их сиятельства спустились до цыган? Если играют на жизнь, она становится игрушечной».

– ...Пришли в табор, нас там встретили песнями, танцами. Мы, гордые, заходим к барону, а он невысокого роста, но совершенный шар, вот такой! Весь в волосах. А голос, когда он произнес первые слова, они из него выплывали, как огромные пузыри, и с громким треском лопались. Вот так, – Залесский издал трескучий, похожий на воронье карканье звук; за соседними столиками засмеялись. – Вот такой у него был голос. Говорят, кони приседали, когда он кричал или чихал. И вот таким голосом он и спрашивает нас: «Кто научил вас воровать лошадей у цыган?» – «Никто, – гордо отвечаем мы. – Сами научились». – «Тогда придется вас обучить. Гриша, начинай. Придется вас обучить, что у цыган воровать коней грех».

– Обучили? – спросила Софья.

– Еще как. Гриша учитель божьей милостью. И плетку такую отродясь не видывал. Да еще на прощанье барон прокаркал: «Молите своего господа, что вы еще щенки малые!»

– Провожали-то, наверное, уже без музыки? – усмехнулась Софья.

– А то! – воскликнул Лавр. – Так плясали, что самим хотелось удариться в пляс. Оставили на дороге и еще сказали: «Милости просим, как поправитесь, в гости к нам!»

– Думаю, вам надолго хватило этого урока.

– На три дня! – фыркнул Залесский. – На четвертый опять двух коней угнали. Покатались и вернули, прямо в руки барону. С тех пор мы были с табором в друзьях, пока не обрушились напасти. Не по нашей вине.

– Как же не по нашей? – возразил Лавр. – А кто Алену у Ильи украл?

– О господи! Я вижу, вы проказники еще те. Что-то музыка звучит – как в таборе, – а танцевать никто не танцует.

– Разрешите пригласить вас на танец, – дуэтом сказали оба.

Софья выбрала капитана. Они стали танцевать, а Лавр вышел из зала.

– Соня, я не узнаю вас! Как же Лавр? Неужели променяли его на капитанишку?

– В вас, сударь, говорит ущемленное самолюбие. Бонапарт начинал с...

– Ну да, как Суворов. Граф Рымникский, князь Италийский. И с кем прикажете делать военную карьеру? С этими? Благодарю покорно! Гусь свинье не товарищ.

– Не будем время тратить попусту. Ты мне вот что, Сережа, скажи, кто предложил обмен? Пойдем, сядем, что-то я выпила сегодня много, кружится голова.

– А ты как думаешь?

– Я думаю – ты.

– Блаженны думающие так, ибо их царствие вечной любви.

– А что тут такого?

– Нет, ничего.

– Если ты, ты меня любишь, а Лавр нет. Если он, Лавр любит деньги, а ты нет. В любом случае получается, что Лавр либо любит, либо не любит. Либо любит деньги, либо не любит меня. А мне в обоих случаях всё едино.

– Получается. Заметь, это не я тебя навел на эту мысль.

Вечер то тянулся, то летел. Часов в одиннадцать Лавр стал желчным, а Залесскому это было по душе. Как же сказать им, чтобы они оба были осторожны? Адалия Львовна шепнула ей при расставании, что дядю Лавра недавно расстреляли, просто так, а младшего брата Залесского спасла от ареста только эмиграция.

– Адам не дал имя одному животному – женщине, – заявил вдруг громко Суворов.

За соседним столиком сидели две расфуфыренные пары, и Лавр явно провоцировал их на скандал. Когда дамы покинули на время кавалеров, он так же громко бухнул:

– Влюбленность и расстройство желудка трудно скрыть.

Кавалеры никак не отреагировали на него. Софья устала и перестала дергаться от шуток Лавра. Залесский тоже перестал смеяться. Смолк и Лавр.

Приблизилась полночь. Вот-вот и придут цыгане, Варя и начнется такое... Оба мужчины стали вдруг мрачными, словно вместе с ушедшим вечером из них ушли и все светлые чувства, и все светлые воспоминания. Лавр отщипывал хлеб, Залесский всё рассматривал вино в бокале. Посмотрит и выпьет. Нальет, посмотрит и выпьет. Софье показалось, что это он цедит свою жизнь от рождения к смерти. Взгляд его был сосредоточенный, будто он и впрямь организовывал при этом в бокале луну. Казалось, ему чудятся расходящиеся от этой луны тропинки, по которым они вскоре разбредутся в разные стороны.

«Все мы бредем по разным тропинкам, – рассеяно думал Лавр, – каждый по своей, но все тропинки кончаются одним рвом, в котором змеи и муравьи. Муравьи ходят там прямыми римскими колоннами и придают рву строгость западной цивилизации. А змеи своим пестрым орнаментом придают этому месту волнующий восточный колорит. И они никогда не смешаются друг с другом, никогда не пойдут ни на какую сделку, хотя заняты одним общим делом...»

– Что же ты, Серж, думаешь, я и впрямь пошел бы с тобой на эту сделку? – вдруг сказал Суворов. – Софи, знаешь, что он мне предложил?

– Знаю, – сказала Софья, взглянув на Залесского. Тот цедил вино.

– Что ты знаешь? – опешил Суворов.

– Ты же сам сказал, сделку, он предложил тебе сделку, – в голосе Софьи была усталость и разочарование. – Всё я знаю.

– Ничего ты не знаешь! Ты ничего не знаешь о моем решении! – воскликнул Лавр.

Залесский вновь повеселел и с восторгом, даже с азартом глядел на Софью.

– А зачем мне о нем знать? Мне достаточно знать, что вы вступили в сговор. С одной стороны я, с другой – эта вещица. Как говорится, равный обмен. Среди голландских купцов и английских лавочников ходит словечко *barter*. А по-русски: так на так, и всё задаром!

У Залесского из глаз ушел сперва восторг, а затем и азарт. Зато Суворов воспламенился.

– Да чушь собачья! – закричал он, плюя на приличия. – Ничего ты не знаешь и знать не можешь! Не можешь, потому что ты сейчас копаешься только в своей душе...

– Конечно, в своей. В чьей же мне еще копать?

Суворов махнул рукой и сказал:

– Ладно. Раз так, так так на так, и всё задаром.

– Значит, стреляться, – сказал Залесский. – Оно и шло к этому.

– Да, в десяти шагах. Мой секундант Анвар. Ваш?

– Георгий.

– Как Георгий?.. Хорошо. А если не согласится?

– Согласится. Я же говорил, он чище нас. Да, договоримся, доктора не будет.

– Доктор, Серж, нам уже не поможет.

– Как и дамы. Дамам, Сонечка (ты же прекрасно знаешь!), на дуэли находиться противопоказано. Увы, категорически запрещено.

– Кем? !

– Кодексом чести.

- Какой? Ты посмотри вокруг...
 - Мигрень, не дай бог, случится мигрень.
- Лавр наклонился к Залесскому и тихо сказал:
- Если кто насмерть, закопать тут же.
 - На месте дуэли, – кивнул головой Сергей.

ХІІІ

Георгий крепко спал и не сразу услышал стук в дверь. Когда в дверь стали стучать ногами, он встрепенулся, прислушался к шуму, пару секунд ничего не соображая, кинулся к дверям. В дверях стоял Лавр сильно навеселе.

– О господи, Лавр, не мог подождать до утра, – недовольно пробурчал Георгий. – Который час? Три ночи. Мы в двенадцать только добрались до Питера.

– Только? – заурчал Лавр. – А мы в двенадцать только приступили к главному блюду вечера. К жаркому. Умопомрачительный барашек. С кровью... Крови еще много будет.

– Лавр, иди проспись. Утром поговорим.

– Скоро, скоро просплюсь. Потом. А сейчас, братишка, извини, дела. Кстати, и тебя придется уж потревожить. Извини. Обещаю впредь больше не тревожить. Честное слово.

Георгий понял, что брата преследует идея. Да, теперь до утра будет душу рвать.

– Погоди, умоюсь. Ты бы тоже умылся. А то... несвеж. Да разденься, не в вагоне же...

Когда он вошел в комнату, Лавр чертил на листе бумаги какой-то план.

– Залесского нигде и духу нет, – сказал, зевая, Георгий. – Впустую промотались. Анвар всю дорогу бормотал: «Чую, он где-то рядом. Зря поехали за город». Может, оно и так.

– Так-так, – кивнул Лавр, не прекращая своей работы. – Зря не зря, но бесполезно, это я вижу. Залесский вон, через три номера, дрыхнет без задних ног.

– Как дрыхнет?

– Молча. Пардон, с храпом, как конь. Можешь послушать. Он двери не закрывает.

– Ничего не понял. Ты это серьезно?

– Какой ты, однако, непонятливый, – раздраженно произнес Лавр. – Ну кто это шутит в три часа ночи?

«Да уж, – подумал Георгий. – Кроме тебя, никому».

– Смотри вот сюда, – позвал Лавр, раскладывая на столе три листа бумаги. На первом был план местности. На втором, скорее всего, план дома. На третьем – множество квадратилов, частично подписанных. – Вот, смотри. По ходу помечу, что не успел. Слушай внимательно. Может, еще разок умоешься холодной водой?

– Нет, – зевнул Георгий. – Я все-таки надеюсь еще сегодня поспать.

– Не надейся, – резко сказал Лавр. – В шесть утра едем за город...

– Очень мило.

– У меня с Залесским дуэль. Ты его секундант.

Вот это называется ушат холодной воды! Георгий даже встряхнул головой.

– Вижу, проснулся. Сперва слушай это, а потом про дуэль. Времени мало. Мне еще надо побыть одному, привести мысли в порядок, помолиться. Слушай. Записывать не надо. Возьми эти листочки. Вот тут, на плане местности, я ничего писать не буду, чтоб ни одна душа, кроме тебя, не догадалась, где эта местность. Что сейчас скажу, запомни. Спросить будет не у кого.

– Что-то у тебя, брат, мрачные мысли. С такими на дуэль не ходят.

– Ходят. Я, брат, уж семь лет на войне. Каждый день дуэль. Привык. Так вот, эта деревенька под Волоколамском. От Москвы сто верст. Красивейшие места, но угол достаточно глухой и не такой... революционный, как другие. Перфиловка – запомнишь? Вот тут, не доезжая до Волоколамска, налево. Пять верст по проселочной дороге, будет лесок, идешь напрямик в него, а там, на озерке, избушка на курьих ножках. Увидишь. Хозяин старик, еще бодрый, со старухой. Дом мой. Он при нем до конца пусть живет. Зовут его Иван Петрович. Бабку – Феней. Отчества не знаю. Изба самая обыкновенная, но есть подпол. Огромный. И вход туда не из дома, а из погреба. Вот отсюда. Чертить не стану. Запомнишь.

– Может, ты мне сперва все-таки скажешь, что это за страшная тайна?

– Скажу. В этом подвале архив. Огромный архив нашего семейства. От Александра Васильевича идет. От его сына и дочери. Много чего от наших дедов и родителей. Веришь ли, я полгода жил там, и каждый день просматривал, перелистывал, а не просмотрел и половины.

– И там всё ценно?

– Всё! Это единственное, что осталось от наших предков, а значит, и от части России. Да и от нас с тобой. Что останется завтра после меня?.. В Риме жили обыкновенные люди, но тысячи лет сделали из них полубогов и героев. Нас первые же сто лет превратят в ничто. Потому что нашим потомкам будет всё равно. Что потомкам? Уже сейчас всем всё равно. Сохраним хотя бы то, что собрали до нас. Я полагаю, заваруха в России надолго. Может, и навсегда. Надо сохранить, Георгий! Тебе постараться, твоим детям, внукам. А там, как получится.

Георгию в эти предутренние минуты, когда во всем мире была лишь синяя тишина, почудились нити, связывающие его и брата с далекой избушкой, с полководцем Суворовым, с родителями, с неведомым братиком Левушкой, умершим в младенчестве, с неведомым будущим, в котором для архива наверняка будет создан музей.

– Принеси попить. Горло пересохло. А я подпишу квадратики.

Минут десять он подписывал, а когда закончил, Георгий внимательно ознакомился с содержимым архива. Полсотни шкафов, ящиков, коробок с книгами, документами, трудами по геральдике, военному строительству и прочими свидетельствами ушедшей эпохи, предметы украшения, небольшая коллекция картин русских художников восемнадцатого – первой половины девятнадцатого века, оригинальные произведения искусства и народных промыслов.

– А вот в этом шкафу тройное дно, две планки, шурупы отвернешь, разберешься. Там икона Богородицы с документами. Что смотришь? Документы не Ее, семейства Суворовых. Рукописная книга в старинном переплете. Уникальная вещь! В ней история династии Романовых, расписанная по годам их правления, расписанная ими самими или регентами. Что-то вроде дневника. Год правления – одна страница. Информация как тротил. Будь осторожен с ней. Не проболтайся. За нее в Подмоскovie всю землю на три метра сроят.

– Как удалось вести его на протяжении трех веков?

– Вот этого, брат, не знаю. Признаться, сам был поражен. Еще там дамские побрякушки, золотишко, прочий хлам. На первое время хватит. Это трать... Ну, храни тебя Господь. К шести будь как штык. Зайди обязательно к Залесскому. Пошли, покажу, где он.

– Ты мне ничего не рассказал о нем. И дуэль... что за вздор?

– Дуэль не вздор. Всё остальное вздор. Чего тебе рассказать про нее? Нечего рассказывать.

– Да, но все-таки дуэль!

– Все-таки. Ну и что? Ужель – дуэль? Пошли. Времени уже нет. Надеюсь, о нашем разговоре...

– Обещаю, – глухо произнес Георгий.

Залесский сидел за столом и писал письма. Когда он поднял голову и взглянул на Георгия, тот понял, что впереди у Залесского и у Лавра одна общая пропасть. Оба летят уже в нее, отдавая себе ясный отчет, подготовившись к этому и честно спеша привести все свои дела в порядок. Оба, несмотря на общую для них безалаберность, не хотели оставлять на земле свои долги.

– Садись, – кивнул ему Залесский. – Пять минут.

«Как ни приду к нему, всё просит пять минут обождать», – подумал Георгий. Он подошел к окну и смотрел на улицу, на которой не было ни души. «Вот так же завтра ни души не будет в этих номерах, – подумал он, и сердце сжалось от дурного предчувствия. – Чья это тень,

похожая на маму? Как воздух дрожит... Сколько раз не замечал при жизни маму, столько раз вздрогнешь потом, увидев ее тень. Это она пришла проводить Лавра с Залесским».

– Что встал у окна? Садись. Ты меня отвлекаешь. Не люблю силуэтов у окна. Самому хочется посмотреть. Будто в окне видна будущая жизнь.

Почерк у капитана был стремительный, и крупные, сильно наклоненные буквы, казалось, сами рвались из-под пера, как кони, тянули шеи, храпели и неслись куда-то к оврагу.

– Ты то письмо прочитал? Прочитал, – усмехнулся Залесский. – Я там немного сгустил краски. Тебя я не стал бы убивать. Ты вне игры. Ты самодостаточен, а вот мы с Лавром можем существовать, только взаимно дополняя друг друга. Или взаимно исключая. Уж такая физика взаимоотношений. Закон Ньютона. Мы с ним как-никак друзья с детства. Вряд ли есть образец лучшей дружбы.

– Мне не понять, – сказал Георгий. – Если вы друзья, зачем дуэль? Зачем этот абсурд?

– Тебе не понять. Потому что у тебя нет такого друга. И уже не будет. Семена дружбы засеваются в детстве. Потом это так, культивация. Видишь ли, Жорж, уж коль любовь не терпит измен, не буду говорить – предательства, то дружба не смеет даже помыслить об этом. Это, брат, свято. Так же свято, как и то, о чем сейчас тебе поведал Лавр.

– О чем?

– Не надо. Ты знаешь, о чем. Так вот, милостивый государь Георгий Николаевич, – Залесский встал. – Нижайше прошу представлять меня в качестве секунданта на дуэли с вашим братом, Лавром Николаевичем Суворовым, имеющей состояться завтра, то бишь сегодня, в девять часов утра неподалеку от Царского Села. В девять часов уже будет светло, – добавил Залесский, поклонился и сел.

– Право, не знаю. Разве можно выступать секундантом против собственного брата?

– Жорж, а чем мы занимались полжизни? Только и делали, что стрелялись с нашими братьями. И потом, я прошу тебя не ради прихоти. Разве можно отказать человеку в его последней просьбе? Лавр согласился, чтоб ты был моим секундантом. Не знаю, задумывался ты когда-нибудь о роли секунданта? Секундант не просто юридическое лицо на дуэли, он лицо, я бы сказал, духовное. Ты будешь свидетелем, как моя душа отправится... куда надо, отправится.

– Почему твоя?

– А ты хотел бы брата? – усмехнулся капитан.

– У Лавра секундант Анвар?

– Анвар.

– Хорошо. Софья знает?

– Да, мы втроем были в ресторане, где и обговорили все условия. Последняя просьба. Вот письма. Передай, пожалуйста, их по адресам. Сам.

– Передам.

XIV

Стрелялись за городом. Ехали одним экипажем. Георгий сидел между братом и Залесским. Лошадей погонял Анвар. Для середины октября было достаточно холодно. Листва облетела, выпал снег, и он покрывал не только землю, но и деревья. Ехали молча. Каждый думал о своем, а у Георгия душа раздиралась на части. Перед его глазами стояло лицо Софьи, которая взглянула по очереди на Лавра, Залесского, перекрестила каждого и поцеловала. «Господи, спаси и сохрани Лавра! Спаси и сохрани Сергея! Спаси и сохрани их обоих!» – слышали они ее шепот, пока шли по коридору. Георгию казалось, что сейчас грянет гром с небес и их всех поразит на месте. Гром не раздался, не поразил, предоставив это право выстрелам из пистолетов. «Как же так, – думал Георгий, – ведь мы все часть одной земли, которую обязаны защищать, на которой обязаны трудиться. Нас так мало, и зачем же мы губим сами себя, оставляя свою землю без защитников и без тружеников? Неужели мы принесем пользу земле, когда перегнием и превратимся в чернозем? Человека можно создать из глины, но не из перегноя».

– Давайте вернемся в Тифлис, – сказал он, обращаясь сразу к обоим.

Залесский передернул плечами:

– Мы еще не добрались до места дуэли, сударь. Предложения выслушаем там. И вы ведь, кажется, мой секундант?

– Застрелите лучше меня! – выпалил Георгий.

– Прекрати! – почти взвизгнул Лавр.

Анвар нахлестывал лошадей.

До места дуэли никто больше не проронил ни слова. Когда Лавр сказал: «Вон там, за поворотом», Георгий услышал, как четыре сердца забились в унисон.

Вылезли из экипажа. Лавр стал нервно прохаживаться и махать руками, согреваясь. Залесский застыл, глядя на ворон на снегу. Анвар отсчитал шаги, провел две линии. Брат и его друг медленно пошли в разные стороны, не простившись и не глядя ни на Анвара, ни на Георгия...

Повернулись, наставили друг на друга пистолеты, и каждый ждал, когда выстрелит другой. Оба выстрелили одновременно, и оба бездыханные упали на землю, за которой для них уже нигде не было земли. И в глазах обоих угас свет, и оба узнали наконец, что такое край света. Для обоих это черно-белое местечко под присыпанными снегом деревьями стало краем земли и краем света. Оба края сошлись для них навсегда.

Некому было засвидетельствовать смерть, некому было отпеть, некому было поплакать. Гражданская панихида была не для них. Оба остались за пределами гражданской панихиды и каких-либо других общественных ритуалов. Господи, прости нас грешных!

– Может?.. – Георгий не верил своим глазам.

Анвар достал из коляски лопату.

Обоих закопали в одной яме. Закапывать было легче, чем копать яму, но и несравненно трудней. Анвар положил два камня в изголовья, а Георгий из двух веточек соорудил один общий крест.

– Мы сейчас расстанемся, – сказал Анвар. – Мне надо побыть одному. В гостиницу я не пойду. Еду домой. Если что, тебя найду. А если я тебе понадобится, свяжись с Софьей. Она всегда поможет тебе. Будешь в Тифлисе – весь Тифлис будет у твоих ног. Не возражаешь, пистолет Лавра я тоже оставляю себе? А ты заberi тот, второй.

Проезжая мимо кладбища, встретили похоронную процессию. Она была немногочисленна и шла очень тихо, словно пытаясь продлить завершившуюся жизнь. Впереди несли на полотенцах маленький гробик. Замыкал процессию мужчина с огромным белым шестиконечным крестом. Большинство были женщины в черных платках. Сколько несбывшихся надежд,

сколько не выплеснутой радости, сколько непрожитой жизни несли, чтобы навек спрятать в землю!

Когда въехали в город, Анвар оглянулся и бросил Георгию:

– Дальше не поедem. Оставим экипаж здесь. Не пропадет. Прощай, кунак.

– Прощай, друг.

Анвар направился в сторону вокзала. Он оглянулся, когда не было видно его лица.

Софья лежала на постели. Рядом с ней стояла шкатулка. Она машинально то открывала крышку шкатулки, то закрывала. Когда вошел Георгий, она взглянула на него и тихо молвила:

– Значит, сразу оба, – на минуту она перестала видеть всё перед собой.

Георгий потоптался в номере и тихо вышел. «Спрашивается, может ли женщина любить сразу двух мужчин? Если она любит сразу двух мужчин, почему бы и нет?» – подумал он.

Когда он закрывал дверь, за его спиной раздались рыдания.

На следующее утро к нему в номер постучала Софья. Она принесла шкатулку. Молча поставила ее на стол и повернулась идти. Георгий сорвался с места, схватил шкатулку и стал протягивать ее Софье.

– Она твоя, Софья. Это всё твое. Мне этого ничего не надо!

Софья отстранилась.

– Мое только вот это, – она прикоснулась к колье и вышла из номера.

Георгий растерянно смотрел на шкатулку в своих руках, едва не швырнул ее об пол, но передумал и выскочил вслед за Софьей.

Она опять лежала на постели, теперь уже лицом вниз. Георгий присел рядом с ней, тихо засунул шкатулку под кровать и погладил Софью по волосам. С криком она обернулась и упала ему на колени. Тело ее сотрясали рыдания, и Суворов не знал, как успокоить ее.

Через четверть часа, которая показалась Георгию четвертью вечности, Софья успокоилась, встала с постели и подошла к зеркалу. В зеркале была не она. Ей показалось, что в номере поселилась какая-то другая женщина. А, это та, невидимая богиня Несчастья.

Вечером она стала собирать вещи и машинально просунула руку под кровать. Кровь ударила ей в голову – там была шкатулка! С криком: «Лавр! Лавр!» она выскочила из номера, влетела к Георгию и, совершенно безумными глазами глядя на него, зашептала:

– Там Лавр! Там Лавр! Он принес...шкатулку!

XV

Поскольку Георгий Николаевич в своих размышлениях постоянно уходил в самого себя, Надежде Алексеевне ничего не оставалось, как уйти в сына. Она не мыслила себя вне сына. Такая уж участь всех матерей: сначала дети пребывают в них, а потом они пребывают в детях. Особенно когда те не балуют их внуками. Елена была у врача, у нее по женской части вроде всё оказалось нормально, но Николенька наотрез отказался обследоваться. Чего уж там дети, можно было своевременно узнать о начале его заболевания и сделать хоть что-то... А так, не успели оглянуться – жизнь прошла.

Когда врачи нашли у Николая рак, Надежда Алексеевна запоздало корила себя за неумную, засасывающую, разрушающую их обоих страсть быть постоянно и нераздельно с ним, во всех его проблемах, тревогах и болях. Конечно же, эта боль перешла от нее к нему. Она заразила его. Всю жизнь их соединяли невидимые нити, которые были крепче пуповины. По ним она улавливала идущие от сына малейшие импульсы тревоги, а он получал от матери удесятельные волны беды. Материнская страсть со временем стала ее болезнью, а ее страдания стали его страданиями. Невидимыми тропами, неясными путями они вошли в него, поселились в нем, развились в нем только потому, что основным и главным источником его болезни стали мучения матери. Именно этот зародыш материнского страдания и развился в сыне в неизлечимую болезнь, поразив его буквально до костей ног.

Несколько дней Николай находился будто в киселе. И тело, и мысли, и все чувства стали вязкими, клейкими и сладкими от боли. Острым стало только блаженство, которое он испытывал, когда спустя какое-то время после укола боль оставляла его на несколько часов.

На глаза упал свет, но тут же погас. Снова появился, снова погас... Над крышей дома напротив висело солнце. Из трубы кочегарки валил черный дым, ветер его то прижимал к земле, то отпускал, солнце то пряталось в клубах дыма, то ярко вспыхивало, и оттого комната то темнела, то заливалась светом.

Не было видно ни птиц, ни людей, ни машин. Видимо, стоял трескучий мороз.

Как холодно! Куда у нас ни повернись, повсюду север... Куда в России ни пойдешь... на юг... на север... Стихи, что ли? Он медленно произносил слова, которые садились к нему на губы осторожно, как бабочки: «Куда в России ни пойдешь, повсюду север, холмы, туман, тоска в груди, ковыль да клевер. И что в России ни скажи – в глаза, на ветер – вернется сторицею лжи уже под вечер. И правда есть всего одна – у сбивших ноги она валяется в ногах да на дороге».

Еще какое-то время он прислушивался к тающим в нем словам, которые прилетели откуда-то непонятно зачем. У сбивших ноги... У кого они еще есть. Это он вспомнил каракули, нацарапанные на салфетке. Отец рассказывал, что, по словам Софьи, их написал в ресторане накануне дуэли Лавр. Лавр был не в себе. «Хоть что-то оставлю о себе на память, – хохотнул он, разглядывая салфетку на свет. – Слово в конце».

Николай позвал Елену:

– Вон моя тетрадь. Занеси в компьютер.

В тетради были бессистемные записи последних дней. Елена с трудом разобралась с ними.

«В подземном проходе к станции метро, сопровождая себя на гитаре, мужчина поет романсы сильным и красивым голосом. Слышно его еще с улицы. С таким голосом только в опере петь. Два раза прохожу мимо него, на третий подхожу, присаживаюсь, как зэк, возле стены на корточки, больно стоять. Мужчина, закончив петь, спрашивает:

– Что, ноги болят? У меня тоже болят. Вот только песнями и спасаюсь.

– Пели на сцене?

– Приходилось, – уклончиво отвечает мужчина. Потом неожиданно добавляет: – Только тут, в этом переходе, я понял, что петь безразлично где, на сцене оперного, в церковном хоре или на паперти. Когда поешь, ни о чем не думаешь, и всё остальное не имеет никакого значения.

– Но в оперном слушают ценители, в церкви страждущие, а тут?

– А тут никто не слушает. Зато я тут пою».

«Как быстро пришла старость! Господи, как быстро... – слезы на твоих глазах, а в глазах боль. Чем утешить, как утешить? Зачем утешать? Опять приснилось, что я маленький, мама взваливает на меня мешок с картошкой и заставляет ходить по периметру комнаты. Два часа. “Ходи, это пригодится в жизни”, – говорит она. А у меня нет никаких сил, никаких. Даже на то, чтобы сказать ей об этом... Мама, прости меня, я не успел сказать тебе при жизни, как я люблю тебя!»

«Это хорошо, что архив Суворовых заканчивается словами “как я люблю тебя”», – думала Елена, досадуя на саму себя. Видно, задело, что они были обращены не к ней, а к матери. Ну да Бог всем судья. Если бы всё на свете заканчивалось, а не только начиналось этими словами! Кроме них и больше них – что скажешь? Да и кто скажет? Она еще раз проглядела записи мужа и вдруг вспомнила свой разговор с ним по поводу никому не нужной (как она считала тогда) эстетики. До сих пор на душе неприятный осадок. Вот она откуда, досада...

– Коль, объясни мне, ради Бога, по-простому: в чем смысл твоей эстетики?

– По-простому? Как пэтэушнице?

– Ты ее так высоко ставишь... Почему? Я всю жизнь вожусь со швейными машинками и ни разу не вспомнила о ней...

– Даже когда я попадался на глаза?

– Без нас, людей низкого труда, не было бы и вас, – она чувствовала непонятную ей самой злость. – Ведь это мы даем возможность таким людям, как вы, Николай Георгиевич, заниматься той же эстетикой. А стоит ли она того? Ведь она никому больше не служит пищей. Ты только не думай, что я возражаю против эстетики. Занимайся чем хочешь.

– Благодарю вас. Против эстетики чего возражать? – завелся, как на лекции, Николай. – Она сама по себе есть возражение всему. Люди пребывают в плену отнюдь не эстетики, так как судят о прекрасном не по эстетическим критериям, а по своим собственным, которые берут черт знает где. Сегодня задача искусства одна: как можно быстрее произвести прекрасное и как можно быстрее его скормить. Публике, соответственно, проглотить. Процесс взаимного ускорения. И ведь жадность какая обуяла всех! Дай, дай! На, на! Прекрасное появляется на свет недоношенным уродцем, но и такое сойдет. Лопают, не усваивая, как свиньи или собаки. Сегодня людям не нужно прекрасное, созданное профессионалами. Профессионалы слишком медленно работают. А время не ждет. Еще год-другой, и люди начнут поедать сами себя, как изысканное блюдо. Сами станут производить «прекрасное» и тут же поглощать его... Боги когда-то пожирали собственных детей, в надежде продлить себе жизнь. Но этим только приближали свой конец. Так то боги были.

– Да, Николай, ты и впрямь эстет!

– Уильям Моррис делил мир на джентльменов и неджентльменов, – Николай немного успокоился. – Он полагал, что высшим вознаграждением за выдающееся мастерство является чувство собственного достоинства, которое проистекает из способности выполнять ту работу, которая заслуживает благодарности априори. То есть независимо от того, принесла она какую-либо конкретную пользу, понравилась ли кому конкретно, а вообще. Большая часть населения не может делать ничего, что хоть как-то можно было бы отнести к разряду истинного ремесла или творчества. Они и довольствуются теми критериями эстетики, которые соответствуют их уровню. Да ты посмотри в телевизор! Я понимаю, что более утопичен, чем Томас Мор или английские просветители. Но до тех пор, пока Господь не пошлет нам всем одновременно мига

просветления, прозрения, и мы не увидим, в какой клоаке оказались, мы никогда уже – слышишь, никогда! – не вернемся, хотя бы в идеальном плане, к поиску истинно прекрасного и достойного в человеке и для человека. Людям было дано Возрождение, чтобы они поняли, что без возрождения прежней культуры их ждет только декаданс. Но они ничего не поняли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.